

Птицы и другие истории (сборник)

Автор:

[Дафна Дюморье](#)

Птицы и другие истории (сборник)

Дафна Дюморье

Азбука Premium

Имя Дафны Дюморье (1907–1989) мир узнал в 1938 году, после выхода в свет романа «Ребекка», седьмой по счету книги молодой английской писательницы. Всего же за долгую творческую жизнь она выпустила полтора десятка романов, несколько сборников рассказов (новелл, повестей – в разное время Дюморье по-разному именовала произведения своей малой прозы), а также три пьесы, биографии и книгу о Корнуолле.

Сборник рассказов Дафны Дюморье, в 1977 году озаглавленный по знаменитой новелле «Птицы», впервые был опубликован в 1952 году под названием «Яблоня», а в 1953-м – «Поцелуй меня еще раз, незнакомец». Помимо шести рассказов, составляющих авторский сборник, в издание на русском языке включен никогда прежде не переводившийся рассказ «Счастливого Рождества» (1940).

Дафна Дюморье

Птицы и другие истории (сборник)

Daphne du Maurier

THE BIRDS AND OTHER STORIES

Copyright © Daphne du Maurier, 1952

HAPPY CHRISTMAS

Copyright © Daphne du Maurier, 1940

© А. Глебовская, перевод, 2015

© И. Комарова, перевод, 2015

© В. Салье, перевод, 2015

© А. Ставиская (наследники), перевод, 2015

© Н. Тихонов (наследники), перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Новеллы Дюморье – это не истории про сверхъестественное («живых призраков» вы там не встретите), но что может быть страшнее природы, когда она вдруг начинает вести себя противоестественно?

The Guardian

Если вы рассчитываете отдохнуть с книжкой в руках, расслабиться, а может, и подремать, то вам лучше выбрать что-нибудь другое...

The Observer (UK)

«Ребекка» и две новеллы, «Птицы» и «Не оглядывайся», – крупные вехи в развитии современного готического жанра.

The Independent

У Дафны Дюморье редкий дар видеть все наши потаенные страхи.

The Guardian

Птицы[1 - Перевод А. Ставиской]

В ночь на третье декабря ветер переменился и наступила зима. До этого осень стояла на редкость мягкая и теплая: на деревьях все еще держались листья, а живые изгороди так и не пожелтели. Земля там, где ее взрыхлил плуг, была черная и жирная.

Нат Хокен, как инвалид войны, получал пенсию и работал с неполной нагрузкой. Он приходил на ферму три раза в неделю, и ему давали работу полегче – поставить изгородь, подлатать крышу, подремонтировать хозяйственные постройки.

Хотя он был человек семейный, по складу своему он был скорее нелюдим и больше всего любил работать в одиночку. Он бывал доволен, если ему поручали укрепить земляную насыпь или починить калитку в дальнем конце мыса, где море с двух сторон омывало территорию фермы. В полдень он обычно прерывал работу, съедал пирог, испеченный женой, и сидел какое-то время на краю обрывистого берега, наблюдая за птицами. Осень для этого самое благодарное время, лучше, чем весна. Весной птицы улетали на материк, организованно и целеустремленно; они знали, куда летят, ритм и весь ритуал их жизни не допускал промедлений. Осенью птиц, которые не улетали за море и оставались

зимовать, обуревала та же безудержная жажда перемещения в пространстве, но поскольку улетать им не полагалось, они утоляли эту жажду по-своему. Огромными стаями они скапливались на полуострове, непоседливые и беспокойные, и растрчивали себя в движении: то кружили и носились в небе, то садились покормиться на жирной свежевспаханной земле, но клевали как-то неохотно, будто не испытывали голода. И тут же беспокойство снова гнало их ввысь.

Черные и белые, галки и чайки, объединившись в этом странном товариществе, они искали какого-то освобождения – но так и не находили его, так и не могли успокоиться. Стаи скворцов с шелковистым шелестом перелетали с места на место, подгоняемые все той же жаждой движения, а птицы помельче, зяблики и жаворонки, как заведенные перепархивали с деревьев на изгороди и обратно.

Нат внимательно наблюдал и за ними, и за морскими птицами. Внизу, в заливе, они ждали, когда спадет вода. У этих птиц было больше терпения. Кулики-сороки, песчаники, травники, кроншнепы подолгу сидели у самой кромки воды, но как только ленивое море отступало, насытив влагой берег и обнажив полосу морской травы и переворошенной гальки, они начинали суетиться и бегать по песку. Потом та же жажда полета толкала их ввысь. С шумом, гомоном, свистом, почти задевая крыльями морскую гладь, они покидали берег. Быстрее, еще быстрее, вперед, вперед – но куда? зачем? Не дающий покоя зов осени, тревожный и печальный, заколдовывал их, заставлял собираться в стаи, кружить и кричать; им надо было растратить весь свой запас энергии до того, как наступит зима.

Сидя у края обрыва и дожевывая пирог, Нат думал о том, что, быть может, осенью птицы получают некий знак, предупреждение. Надвигается зима. Многим из них не придется ее пережить. И они ведут себя совсем как люди, которые в предчувствии близкой смерти с головой уходят в работу или кидаются в разгул.

В эту осень птицы вели себя как никогда беспокойно, их возбуждение было особенно заметно, потому что дни стояли тихие. Когда на западных склонах работал трактор, то по временам он полностью скрывался из виду, вместе с силуэтом фермера за рулем, в туче орущих, кружащихся птиц. Их было непривычно много – Нат не мог этого не заметить. Осенью птицы всегда летали за плугом, но не такими огромными стаями, не с таким гамом.

Нат поделился своими мыслями с фермером, мистером Тригом, когда управился с изгородью.

– Да, птиц нынче много, я и сам вижу, – отозвался фермер, – некоторые совсем обнаглели, даже трактора не боятся. Сегодня пара чаек пролетела у меня прямо над головой, чуть шапку не сбили! Я вообще работал почти вслепую – над головой чайки, в глаза солнце бьет. Должно быть, к перемене погоды. Зима будет нынче суровая. Вот птицы и сходят с ума.

Шагая домой через поле, а потом вдоль дороги, обсаженной деревьями, Нат видел в догорающих лучах солнца птичьи стаи над западными холмами. Ветра не было; свинцовое море с высокой водой казалось неподвижным. В живых изгородях еще цвел лихонос, воздух был теплый. Но фермер оказался прав: в ночь погода переменилась.

Спальня в доме у Ната выходила окнами на восток. Он проснулся в третьем часу и услышал, как в дымоходе завывает ветер. Это не был порывистый юго-западный ветер, который приносит дождь; это был восточный ветер, сухой и холодный. Он глухо гудел в трубе, и на кровле брякала отставшая шиферная плитка. Нат прислушался, и до него донесся рев волн, бушевавших в заливе. В маленькой спальне стало холодно – на кровать из-под двери дуло. Нат плотнее закутался в одеяло и покрепче прижался к спящей жене, но не заснул, а лежал, напрягая слух, полный беспричинных тревожных предчувствий.

Вдруг раздался негромкий стук в окно. Было похоже, что по стеклу стучит обломок какого-то засохшего вьющегося растения, но на стенах у них ничего не росло. Он прислушался – стук продолжался. Раздосадованный, он вылез из постели и подошел к окну. Когда он поднял раму, что-то мазнуло его по пальцам, ткнулось в руку, оцарапав кожу. Мелькнули крылья и тут же исчезли, рванувшись через крышу за дом.

Это была птица – какая, он не разобрал. Должно быть, ветер загнал ее сюда, на подоконник.

Он закрыл окно и снова лег, но почувствовал на пальцах что-то мокрое и, поднеся руку к губам, понял, что это кровь. Птица поранила его в темноте; наверно, испугалась, не соображала, что делает. Он улегся поудобнее, пытаясь уснуть.

Вскоре снова раздался стук, на этот раз более энергичный, более настойчивый, и, потревоженная им, проснулась жена.

- Нат, посмотри, что там такое. Окно дребезжит.

- Я уже смотрел. Там птица, просится в дом. Слышишь, какой ветер? Восточный ветер гонит птиц - вот они и ищут, где бы схорониться.

- Прогони их прочь. Я не могу спать при таком шуме.

Он второй раз подошел к окну и, открыв его, увидел на подоконнике птиц - не одну, а целых полдюжины; все разом ринулись на него, норовя клюнуть в лицо.

Он вскрикнул и стал отбиваться от них руками. Как и первая птица, они взмыли над крышей и исчезли. Он быстро опустил окно и защелкнул задвижку.

- Смотри, что делается, - сказал он. - Они на меня набросились! Могли глаза выклевать!

Он стоял у окна и всматривался в темноту, но ничего не видел. Жена, еще не совсем проснувшись, что-то недоверчиво пробормотала.

- Я не выдумываю, - сказал он, рассердившись. - Говорю тебе - птицы сидели на подоконнике, просились в дом.

Неожиданно из комнаты в конце коридора, где спали их двое детей, донесся испуганный крик.

- Это Джил, - сказала жена. От крика она окончательно проснулась и села в постели. - Пойди к ним, узнай, что случилось.

Нат зажег свечу, но, когда он открыл дверь в коридор, сквозняк задул ее.

Снова раздался крик ужаса - на этот раз дети кричали оба, и, вбежав в комнату, Нат услышал в темноте хлопанье крыльев. Окно было раскрыто. Через него влетали птицы, ударялись с налету о потолок и стены, но тут же поворачивали к детским кроваткам.

– Не бойтесь, я здесь! – крикнул Нат, и дети с плачем кинулись к отцу, а птицы в темноте взлетали к потолку и пикировали вниз, целясь в них.

– Что там, Нат? Что случилось? – услышал он голос жены из спальни. Он поскорее вытолкнул детей в коридор и захлопнул дверь, оставшись с птицами один на один.

Он сорвал одеяло с ближайшей кровати и начал размахивать им над головой. Он слышал хлопанье крыльев, шмяканье птичьих тел, но птицы не отступали, они нападали снова и снова, они клевали его в руки, в голову, их разящие клювы кололи, как острые вилки. Одеяло теперь превратилось в оружие защиты. Он обмотал им голову и, не видя уже ничего, молотил по птицам голыми руками. Подобраться к двери и открыть ее он не решался из страха, что птицы полетят следом.

Он не знал, сколько времени он бился с ними в темноте, но в конце концов почувствовал, как хлопанье крыльев мало-помалу стихает; постепенно оно прекратилось совсем, и сквозь одеяло он разглядел, что в комнате стало светлей. Он ждал, слушал – нигде ни звука, только кто-то из детей хныкал в спальне. Свист и шелест крыльев прекратились.

Он стянул с головы одеяло и огляделся. В комнату просачивался холодный, серый утренний свет. Живые птицы улетели через открытое окно, мертвые лежали на полу. Нат глядел на них со стыдом и ужасом: все мелюзга, ни одной крупной птицы, и погибло их не меньше полусотни. Малиновки, зяблики, воробьи, синички, жаворонки, юрки – эти птахи по законам природы всегда держались каждая своей стаей, своих привычных мест, и вот теперь, объединившись в ратном пылу, они нашли свою смерть – разбились о стены или погибли от его руки. Многие во время битвы потеряли перья, у многих клювы были в крови – в его крови.

Чувствуя подступающую дурноту, Нат подошел к окну и поглядел на поля, начинавшиеся сразу за их огородом.

Было очень холодно, и земля почернела и затвердела. Это был не белый мороз, не иней, который так весело сверкает в утренних лучах, а мороз бесснежный, черный, каким сковывает землю восточный ветер. Море, еще сильнее разбушевавшееся с началом прилива, все в гребнях белой пены, яростно билось

о берег. Птиц видно не было. Ни один воробьишка не чирикал в садовой изгороди; даже самые ранние птахи, рыжие и черные дрозды, не рылись в земле в поисках червяков. Не было слышно ни звука, кроме шума ветра и моря.

Нат закрыл окно и, затворив за собой дверь детской, пошел в спальню. Жена сидела на кровати, возле нее спала старшая девочка, а младшего, с забинтованным лицом, она держала на руках. Шторы на окнах были плотно задернуты, горели свечи. Лицо жены в желтом свете поразило его своей бледностью. Она сделала ему знак молчать.

– Уснул, – прошептала она, – еле я его угомонила. Он чем-то поранился, под глазом ссадина. Джил говорит – это птицы. Говорит, проснулась, а в комнате полно птиц.

Жена смотрела на него, ища в его лице подтверждения. Вид у нее был испуганный и растерянный, и ему не хотелось, чтобы она видела, что он тоже потрясен, сбит с толку событиями последних часов.

– Там, в детской, птицы, – сказал он, – мертвые птицы, примерно с полсотни. Малиновки, крапивники, разные мелкие местные птички. Они все будто с ума посходили от этого ветра. – Он опустился на кровать рядом с женой и взял ее за руку. – Дело в погоде. Все, наверно, из-за этой ужасной погоды. Может, и птицы не здешние. Их сюда пригнало откуда-то.

– Погода-то переменялась только ночью, – прошептала жена. – Снега еще нет, что их могло пригнать? И голодать они пока не голодают. В полях хватает корма.

– Да нет, это погода, – повторил Нат. – Поверь мне, все дело в погоде.

Лица у обоих были утомленные и осунувшиеся. Какое-то время они молча глядели друг на друга.

– Пойду вниз, приготовлю чай, – сказал он.

Вид кухни его успокоил. Чашки с блюдцами, аккуратно расставленные на буфетных полках, стол, стулья, вязанье жены на ее плетеном кресле, детские

игрушки в угловом шкафчике.

Он опустился на колени, выгреб прогоревшие угли и заново разжег плиту. Зрелище дружно занявшихся щепок вернуло чувство равновесия, а закипающий на огне чайник и другой, коричневый, для заварки – ощущение уюта и надежности. Он напился чаю сам и отнес чашку жене. Потом умылся в закутке за кухней и, натянув сапоги, отворил наружную дверь.

Небо было тяжелое, свинцово-серое, а бурые холмы, еще день назад блестящие на солнце, теперь казались почти черными и мертвыми. Восточный ветер оголил деревья как бритвой, и каждый его порыв вздымал в воздух опавшую листву, сухую и ломкую. Нат потопал по земле сапогом – земля была скована холодом. Он еще не видывал такой резкой, внезапной перемены. Черная, бесснежная зима сошла на землю в одну ночь.

Наверху проснулись дети. Джил что-то говорила без умолку, а маленький Джонни снова плакал. Нат слышал, как жена их утешает, уговаривает. Вскоре все спустились вниз. У него был готов для них завтрак, день входил в привычную колею.

– Папа, ты прогнал птиц? – спросила Джил. Она совсем успокоилась, увидав огонь в очаге, дневной свет за окном и завтрак на столе.

– Да, да, они все улетели, – ответил Нат. – Их напугал восточный ветер. Они растерялись, сбились с пути, искали, где бы укрыться.

– Они на нас набросились, – сказала Джил, – хотели Джонни глаза выклевать.

– Это они со страху, – сказал Нат. – В комнате темно было, они не понимали, что к чему.

– Хорошо бы они больше не прилетали, – сказала Джил. – А то давай накрошим им хлеба на подоконник, может, они склюют его и улетят.

Она кончила завтракать и пошла за пальто и школьной сумкой. Нат молчал, но жена поглядела на него со значением. Они поняли друг друга без слов.

- Пойду провожу ее до автобуса, - сказал он. - Сегодня на ферму мне не надо.

И пока Джил мыла руки, он сказал жене:

- Держи все окна закрытыми, и двери тоже на всякий случай. Я загляну на ферму. Узнаю, не слышали ли они там чего ночью.

Вместе с дочерью он пошел к проезжей дороге. Девочка, очевидно, успела забыть о ночном происшествии и бежала вприпрыжку впереди, наперегонки с сухими листьями; личико ее под островерхим капюшоном покраснелось от холода.

- Пап, а снег скоро пойдет? - спросила она. - Уже ведь холодно!

Он взглянул на бесцветное небо, чувствуя спиной пронизывающий ветер.

- Нет, снега пока не предвидится. Это бесснежная зима, черная.

Пока они шли, он все время искал глазами птиц в живых изгородях, оглядывал поля, высматривал их в лесочке над фермой, где обычно собирались грачи и галки. Птиц нигде не было.

Жившие поблизости дети уже толпились на автобусной остановке, все закутанные, в капюшонах, как Джил, с бледными, замерзшими лицами.

Джил побежала к ним, выкрикивая на бегу:

- А мой папа говорит - снега не будет! Будет черная зима!

О птицах она не сказала ни слова и сразу же затеяла игру с другой девочкой - обе принялись бороться и толкать друг дружку. Наконец показался автобус; он поднимался в гору, пыхтя и покачиваясь. Нат подождал, пока дочка сядет, потом повернул обратно и пошел по дороге к ферме. У него был свободный день, но ему хотелось удостовериться, что там все в порядке. Джим, работник, смотревший за коровами, громыхал чем-то во дворе.

- Хозяин дома? - спросил Нат.

- На рынок уехал. Сегодня вторник.

Грохоча сапогами, Джим ушел за сарай. У него не было времени стоять да разговоры разговаривать. Умничает он больно, этот Нат. Все книжки, говорят, читает.

Нат и в самом деле забыл, что сегодня вторник. Да, ночные события порядком выбили его из колеи. Он подошел к заднему крыльцу и сразу же услышал, как миссис Триг что-то напевает на кухне под аккомпанемент радио.

- Вы дома, хозяйшка? - спросил он.

Миссис Триг появилась в дверях - крупная, добродушная, с неизменной улыбкой.

- Добрый день, мистер Хокен. Может, вы мне объясните, откуда этот холод? Из России, что ли? Никогда бы не подумала, что холода могут ударить так внезапно. И дальше будет холодать, по радио сказали. Что-то происходит за Полярным кругом.

- Мы еще сегодня не включали радио, - сказал Нат. - Ночь была беспокойная.

- Что-нибудь с ребятишками?

- Нет, нет. - Он не знал, как ей объяснить. Сейчас, при свете дня, рассказ о ночном сражении с птицами, разумеется, прозвучал бы дико.

Он попытался изложить все по порядку, но по глазам миссис Триг понял, что она считает его историю плодом дурного сна.

- Вы уверены, что птицы были настоящие, всамделишные? - спросила она, улыбаясь. - С перьями, со всем, что положено? А не такие, какие могут привидеться кой-кому в субботний вечер, когда питейные заведения уже закрылись?

- Миссис Триг, - сказал Нат, - у нас в детской на полу полсотни мертвых птиц. Самых разных - малиновки, крапивники, кого там только нет. Они и на меня

напали, и Джонни чуть глаза не выклевали.

Миссис Триг посмотрела на него с сомнением.

– Ну что ж, всякое бывает, – сказала она, – при такой-то погоде. А если уж они залетели в дом, то, наверно, совсем сбились с толку. Может, это птицы откуда-нибудь издалека, из-за этого самого Полярного круга?

– Нет, птицы местные, самые обычные.

– Странное дело, – сказала миссис Триг, – просто не знаю, что и думать. Вам надо все это описать и послать в «Гардиан». Они уж найдут что ответить. Ну, мне пора, дела ждут.

Она кивнула ему, улыбнулась и ушла обратно в кухню.

Нат, не удовлетворенный разговором, пошагал прочь. Если бы не мертвые птицы на полу – их еще надо собрать и закопать где-нибудь, – он и сам бы принял всю историю за выдумку.

У калитки стоял Джим.

– Птицы не докучали? – спросил Нат.

– Птицы? Какие птицы?

– На нас прошлой ночью птицы напали. Целая стая. Залетели в спальню к детям. Странные птицы, прямо кровожадные какие-то.

– Вот как? – До Джима все доходило невероятно медленно. – Никогда не слышал, чтоб птицы были кровожадные, – наконец сказал он. – Ручные – это да, это бывает. Прямо на окна прилетают за крошками.

– Те птицы были далеко не ручные.

– Вот как? Может, замерзли? Или голодные были? Вы им крошек насыпьте.

Джим отнесся ко всей этой истории так же равнодушно, как миссис Триг. С воздушными налетами во время войны дело обстояло похоже, подумал Нат. Здесь, в этой части Англии, никто и не подозревал, сколько пришлось переживать и испытывать жителям того же Плимута.[2 - Плимут - порт на берегу пролива Ла-Манш; во время Второй мировой войны подвергался особенно ожесточенным налетам немецкой авиации. - Здесь и далее примеч. перев.] Чтобы что-то тебя затронуло по-настоящему, нужно самому это пережить.

Он направился к дому - прошел вдоль аллеи, перебрался через перелаз.

На кухне он застал жену и Джонни.

- Ну что, видел кого-нибудь? - спросила жена.

- Говорил с миссис Триг и с Джимом. По-моему, они мне не поверили. Но у них все спокойно.

- Ты бы унес этих птиц, - сказала жена. - Я хотела постели застелить, но я туда войти не могу. Страшно.

- Теперь-то бояться нечего. Они мертвые.

Нат поднялся наверх с мешком и покидал в него, один за другим, все птичьи трупки. Их было ровно пятьдесят. Самые обычные пташки, сплошная мелочь, даже ни одного дрозда. Только страх мог вызвать такую агрессивность. Синички, крапивники - неужели их крохотные клювы вонзались ночью с такой яростью ему в лицо и в руки? Трудно поверить. Он отнес мешок в сад, и тут встала новая проблема - земля так затвердела от холода, что копать ее было невозможно. Землю намертво сковало стужей, но снега при этом не было; да и вообще за последние часы не произошло ничего особенного - разве что задул восточный ветер. Все это было странно, необъяснимо. Те, кто составляет прогнозы погоды, должно быть, правы - похолодание каким-то образом связано с Полярным кругом.

Ветер пронизывал его до костей, пока он стоял в нерешительности с мешком в руках. Внизу, в заливе, бушевали волны - были отчетливо видны их пенистые гребни. Он решил отнести птиц на берег и там закопать.

Когда он добрался до мыса, ветер задул так свирепо, что Нат едва устоял на ногах. Ему было больно дышать, голые руки посинели. Он никогда не испытывал такого холода, не помнил такой стужи – даже в самые суровые зимы. Был отлив. Хрустя галькой, он прошел туда, где песок был порыхлее, повернулся спиной к ветру и стал копать каблуками яму. Но как только он опорожнил мешок, налетевший вихрь подхватил мертвых птиц, поднял их в воздух, понес вдоль пляжа и в считанные секунды разбросал и развеял, как перышки. В этом зрелище было что-то отталкивающее. Ему стало не по себе. «Когда начнется прилив, вода их унесет», – решил он.

Он перевел взгляд на море, всматриваясь в белопенные зеленые буруны. Они вздымались отвесной стеной, закручивались и снова разбивались; грохот волн, ослабленный расстоянием, казался не таким оглушительным, как во время прилива.

И вдруг он увидел их. Чайки! Они качались на волнах вдали от берега.

То, что он поначалу принял за буруны, были белые чайки. Сотни, тысячи, десятки тысяч... Они поднимались и падали вместе с волнами, держа головы по ветру, будто мощная боевая флотилия, бросившая якорь в ожидании прилива. Чайки заполняли все видимое пространство. Они двигались развернутым строем, бесконечными, тесно сомкнутыми рядами, колонна за колонной. Будь на море штиль, они покрыли бы белым облаком весь залив, голова к голове, тело к телу. И только восточный ветер, нагонявший высокие волны, по временам скрывал их от глаз.

Нат повернулся, пошел прочь от берега и по крутой тропке стал подниматься к дому. Надо срочно кому-то сообщить, кого-то предупредить. Погода тому виной или восточный ветер, только творится что-то непонятное. Может, пойти к телефонной будке у автобусной остановки и позвонить в полицию? Но что они могут сделать? Что вообще можно сделать? Ну, он скажет, что в заливе собрались сотни, тысячи чаек, потому что их пригнал туда шторм или голод. В полиции решат, что он пьяный или сумасшедший, или, что еще хуже, выслушают с полнейшим равнодушием: «Спасибо. Нас уже оповестили. Действительно, из-за неблагоприятных погодных условий в окрестностях скопилось большое количество птиц». Нат огляделся по сторонам. Других птиц пока видно не было. Может, все они летят из центра страны, всех гонит холод?

Жена встретила его у порога:

– Нат, объявили по радио! Только что передавали специальный выпуск новостей. Я записала.

– Что объявили по радио?

– Насчет птиц. Они не только у нас, они повсюду. В Лондоне, по всей стране. На птиц что-то нашло.

Они вместе прошли на кухню. Он прочел то, что жена записала на клочке бумаги.

«Сообщение Министерства внутренних дел от 11 часов утра. С начала дня ежечасно поступают сведения о том, что в городах, деревнях и отдаленных районах страны огромными стаями собираются птицы. Они создают помехи движению транспорта, причиняют разрушения и даже нападают на людей. Предполагается, что арктические воздушные потоки, в зоне которых в настоящее время находятся Британские острова, заставляют птиц массами перемещаться на юг; сильный голод, по всей видимости, вынуждает их нападать на людей. Предупреждаем владельцев домов: плотно закройте окна и двери, проверьте дымоходы и примите необходимые меры, с тем чтобы обеспечить безопасность ваших детей. Ждите дальнейших сообщений».

Ната вдруг охватило непонятное возбуждение. Он торжествующе взглянул на жену:

– Ну вот, что я тебе говорил? Надеюсь, на ферме тоже слушают радио. Миссис Триг теперь убедится, что я ничего не сочинил. Все так и есть. Они повсюду. Недаром я с утра себе твержу: что-то тут неладно. Я сейчас с берега видел в море чайки – там тысячи, десятки тысяч чаек, вплотную друг к дружке, булавку между ними не просунуть, – качаются себе на волнах, точно чего-то ждут.

– Чего ждут, Нат? – спросила жена.

Он пристально посмотрел на нее, потом снова на клочок бумаги.

– Не знаю, – выговорил он наконец. – Здесь сказано про сильный голод...

Он подошел к ящику, где хранил молоток и инструменты.

- Что ты хочешь делать, Нат?

- Забить окна, перекрыть дымоходы, как велят.

- Ты думаешь, птицы смогут пробраться в дом, если окна просто закрыть? Воробьи, малиновки и прочая мелочь? Каким образом?

Он не ответил. Воробьи, малиновки – это пустяки. А вот чайки...

Он поднялся наверх и работал не покладая рук всю первую половину дня – забил досками окна в спальнях, заделал основание дымоходов. Хорошо еще, что у него выходной и что он не занят на ферме. Работа с молотком и гвоздями напомнила ему давние времена, самое начало войны. Он тогда еще не был женат, жил у матери в Плимуте и, когда ввели затемнение, сколотил для всех окон ставни. И бомбоубежище соорудил. Правда, пользы от него оказалось немного, когда начались налеты. Интересно, примут ли фермер с женой хотя бы такие простые меры предосторожности? Вряд ли, не похоже на них. Беззаботные они люди. Могут просто посмеяться, и все. Уедут на танцы или отправятся к соседям в карты играть.

- Обед готов! – крикнула из кухни жена.

- Слышу, сейчас спущусь!

Он был доволен своей работой – щиты отлично легли на окна, распорки прочно встали в основание дымоходов.

После обеда, когда жена мыла посуду, Нат включил радио – в час дня передавали известия. Сперва повторили утреннее сообщение – то, которое записала жена, – но в сводке новостей появились дополнительные подробности. «Стаи птиц нарушили привычный распорядок во всех районах страны, – объявил диктор. – В Лондоне в десять часов утра птицы закрыли небо так плотно, что могло показаться, будто над городом нависла гигантская черная туча. Птицы рассаживались на шпилях, на оконных карнизах, на дымоходах. Преобладающие породы – дрозд черный, дрозд обыкновенный, домовый воробей; кроме того, что

естественно для столицы, в большом количестве представлены голуби и скворцы и, конечно, завсегдатай лондонской Темзы – чайка черноголовая. Зрелище было столь поразительное, что на многих магистралях остановилось уличное движение, лавки и конторы опустели, а тротуары и мостовые были запружены толпами любопытствующих».

За этим последовало описание имевших место инцидентов; еще раз было сказано, что наиболее вероятная причина этого явления – голод и стужа; напоследок диктор повторил предупреждение владельцам домов. Голос у него был спокойный, чуть высокомерный. У Ната создалось впечатление, что диктор, во всяком случае, воспринимает все происходящее не всерьез, словно речь идет о каком-то затянувшемся розыгрыше. И таких, как он, много, таких сотни – и никто не в состоянии представить себе, что значит сражаться в крошечной тьме с тучей птиц. Вечером в Лондоне наверняка устроят народное гулянье, наподобие тех, что бывают в день выборов. Люди будут толпиться на улицах, шуметь, хохотать, напиваться... «Птиц-то сколько! Пошли поглядим!»

Он выключил радио и принялся за окна на кухне. Жена молча наблюдала; маленький Джонни не отходил от матери.

– Нат, а здесь-то доски зачем? – спросила она. – Теперь придется зажигать свечи чуть ли не в два часа дня. И вообще я не понимаю, какой толк в этих досках.

– Лучше перестраховаться, чем потом локти кусать, – ответил Нат. – Не хочу рисковать.

– Куда смотрят власти? – сказала жена. – Надо было вызвать войска и начать отстреливать птиц. Живо бы их распугали.

– Ну, допустим. А как, по-твоему, это сделать?

– Посылают же войска в доки, когда докеры бастуют. Бросают солдат на разгрузку судов.

– Верно, – сказал Нат, – только в Лондоне восемь миллионов жителей или даже больше. А сколько всяких зданий, жилых домов, особняков! Это сколько же нужно солдат – отстреливать птиц со всех крыш?

- Не знаю, но что-то надо делать. Власти должны что-то предпринять.

Нат подумал про себя, что власти, наверно, как раз сейчас ломают голову в поисках выхода, но как бы они ни решили действовать в Лондоне и других больших городах, здесь, за три сотни миль от столицы, это людям не поможет. Каждый хозяин должен сам побеспокоиться о своем доме.

- Как у нас со съестным? - спросил он.

- Господи, Нат, что еще тебе придет в голову?

- Неважно. Какие есть припасы?

- Завтра среда, наш закупочный день, ты сам знаешь. Я не держу ничего лишнего в сыром виде, все ведь портится. Мясник приедет только послезавтра. Но я могу что-нибудь мясное привезти и завтра из города.

Нат не хотел пугать жену понапрасну, но сам подумал, что намеченная на завтра поездка в город вряд ли состоится. Он заглянул в кладовую и заодно в буфет, где жена держала банки с консервами. Хлеба было маловато.

- А с хлебом что?

- И булочник будет завтра.

Муки тоже было немного. Впрочем, хватит испечь буханку хлеба, если булочник завтра не приедет.

- В старое время мы бы забот не знали, - сказал Нат. - Женщины пекли хлеб два раза в неделю, сами рыбу солили, и в доме всегда были запасы еды. Семья могла бы выдержать осаду, если б понадобилось.

- Я пробовала давать детям рыбные консервы, им не понравилось, - сказала жена.

Нат продолжал забивать досками кухонные окна. И вдруг вспомнил: свечи! Свечи тоже были на исходе. Завтра надо бы и свечей докупить. Но ничего не

попишешь. Сегодня нужно лечь пораньше. Если, конечно...

Он встал, прошел через заднее крыльцо в огород и поглядел на море. Солнце весь день не показывалось, и теперь, хотя было всего три часа, вокруг сгустилась мгла, небо было тяжелое, мрачное, бесцветное, как соль. Он слышал, как волны злобно барабанят о скалы. Он пошел вниз по тропке к берегу и на полдороге вдруг замер. Был прилив; вода уже стояла высоко. Прибрежные скалы, утром еще обнаженные, теперь полностью скрылись под водой, но Нат смотрел сейчас не на море. Он смотрел на чаек. Чайки все снялись с места. Сотни, тысячи их кружили над водой, напрягая крылья, борясь с ветром. Чайки затмили небо – потому и стемнело вокруг. Они летали молча, не издавая ни звука. Они парили, кружили, взмывали вверх и снижались, борясь с ветром.

Нат повернулся и бегом бросился к дому.

– Я пошел за Джил, – сказал он жене. – Хочу встретить ее на остановке.

– Что случилось? – спросила жена. – На тебе лица нет.

– Не выпускай Джонни из дому. И запри дверь. И лучше задерни шторы и зажги свечи.

– Но ведь только три часа дня!

– Неважно. Делай, как я сказал.

Он заглянул под навес у заднего крыльца, где держал огородный инвентарь. Подходящего мало. Лопата слишком тяжелая, вилы не годятся. Он взял мотыгу – ее, по крайней мере, легко нести.

Он обогнул дом и пошел к автобусной остановке, то и дело оглядываясь через плечо на море. Чайки поднялись выше и теперь описывали более широкие круги, выстраиваясь в небе в боевом порядке.

Нат прибавил шагу. Он знал, что автобус доберется до вершины холма не раньше четырех, но все равно спешил. На пути он никого, к счастью, не встретил – не то время, чтобы стоять и ляды точить.

Он дошел до остановки и принялся ждать. Конечно, он напрасно спешил – до автобуса оставалось добрых полчаса. Он потопал ногами, чтобы согреться, подул на заочевшие руки. Вдали перед ним простиралась меловые горы, чистые и белые на фоне мрачного блеклого неба. Неожиданно из-за гор поднялось что-то черное, как мазок сажи; потом пятно стало разрастаться, приобрело объем и превратилось в тучу, которая тут же распалась на части, поплывшие на север, на запад, на восток и на юг; и это были вовсе не тучи: это были птицы. Нат следил за их движением по небу, и когда одна стая пролетала над ним на высоте двух или трех сотен футов, он понял по их скорости, что они направляются от побережья вглубь страны и что им нет дела до людей здесь, на полуострове. Это были грачи, вороны, галки, сороки, сойки – птицы, которые не прочь поживиться другими, более мелкими пташками; но сегодня они имели в виду добычу совсем иного рода.

«Им поручены города, – подумал Нат. – Они четко знают, что им надо делать. Им наплевать на нас. С нами расправятся чайки. А эти летят в города».

Он вошел в телефонную будку и снял трубку. Достаточно, если ему ответит коммутатор. Там уж передадут кому нужно.

– Я звоню с шоссе, от автобусной остановки, – начал он. – Хочу сообщить, что мимо меня летят целые полчища птиц. Чайки тоже скапливаются в заливе.

– Ясно, – ответил женский голос, усталый, безразличный.

– Могу я быть уверен, что вы передадите мое сообщение куда полагается?

– Да, да, конечно. – На этот раз в голосе явно звучали раздраженные нотки. Затем послышались короткие гудки.

«Такая же, как все, – подумал Нат, – ни до чего нет дела. Может, ей целый день звонят, надоедают. А ей охота вечером пойти в кино. Повиснет на каком-нибудь парне и будет ахать: „Ты только посмотри, сколько птиц!“ Ничем такую не проймешь...»

Автобус, пытая, подкатил к остановке. Джил спрыгнула на землю, за ней еще трое или четверо ребят. Автобус тут же поехал дальше, в сторону города.

- Пап, а это для чего?

Ребятишки со смехом окружили его, показывая пальцами на мотыгу.

- Просто так взял, на всякий случай, - сказал он. - А теперь по домам. Сегодня холодно, нечего болтаться на улице. Ну-ка, живенько! Я постою, пока вы пробежите через поле, погляжу, кто из вас быстрее бегает.

Он обращался к детям, которые жили в поселке, в муниципальных домах. Наискосок, через поле, туда было ближе.

- Мы хотели немножко поиграть по дороге, - заявил один мальчик.

- Никаких игр. Марш по домам, а не то я вашим мамам нажалуюсь.

Дети пошептались, поглядывая на него круглыми удивленными глазами, а потом стремглав помчались через поле. Джил смотрела на отца, недовольно надув губы.

- Мы всегда играем по дороге из школы, - сказала она.

- Только не сегодня. Сегодня игры отменяются. Идем скорей, не будем время терять.

Он теперь ясно видел чаек - они держали курс на сушу, кружили над полями, все так же молча, так же беззвучно.

- Пап, погляди! Смотри, сколько чаек!

- Я вижу. Давай скорее!

- А куда это они? Куда они летят?

- Подальше от наших мест, наверно. Ищут, где теплее.

Он схватил ее за руку и потащил за собой.

– Пап, не так быстро, я не успеваю.

Чайки проделали то же, что до них грачи и вороны: они развернулись строем по небу, разделились на четыре многотысячных отряда и двинулись на север, юг, восток и запад.

– Пап, что это? Что чайки делают?

В отличие от галок и ворон чайки, разделившись, еще продолжали кружить и не торопились набирать высоту, будто ждали какого-то сигнала. Как будто окончательное решение еще не принято. Еще не сформулирован приказ.

– Хочешь, я тебя понесу, Джил? Давай-ка забирайся ко мне на спину.

Он надеялся, что так будет быстрее, но не рассчитал – Джил была тяжелая, все время сползала вниз. При этом она еще и плакала. Ей передался отцовский страх, предчувствие опасности.

– Противные чайки! Пускай улетают. Смотри, они совсем низко!

Он поставил девочку на землю и перешел на бег, таща ее за собой. На повороте у фермы он увидел, что мистер Триг выкатывает из гаража машину. Нат окликнул его:

– Не подбросите нас до дому?

– Что это вдруг?

Фермер повернулся на сиденье и удивленно уставился на них. Затем его веселая румяная физиономия расплылась в улыбке.

– Похоже, скоро начнется забава, – сказал он. – Видели чаек? Мы с Джимом хотим их немного пощелкать. Все свихнулись на этих птицах, только о них и говорят. Слышал, что они вас ночью навестили. Могу одолжить ружье.

Нат отрицательно покачал головой. Фермерская малолитражка была загружена до предела. Места хватило бы только для Джил, и то если посадить ее на пустые канистры на заднем сиденье.

– Ружья мне не надо, но вы бы меня очень выручили, если б подвезли Джил. Она боится птиц.

Он говорил отрывисто и быстро – не хотел вдаваться в объяснения при ребенке.

– Хорошо, – сказал фермер, – я ее отвезу. Не хотите, значит, участвовать в нашей охоте? А зря! Мы им покажем! Перья полетят – будь здоров!

Джил уселась в машину, и фермер, развернувшись, покати по дороге. Нат пошел следом. Триг просто спятил! Что значит какое-то ружье против целого неба птиц?

Теперь, когда ему больше не надо было беспокоиться за Джил, он мог как следует оглядеться. Чайки все еще кружили над полями. В основном это были серебристые чайки, но среди них было и немало черноголовых. Обычно эти две породы держатся врозь, но нынче что-то их объединило. Что-то свело их вместе, и свело не случайно. Он слышал, что черноголовки нападают на птиц помельче, а бывает, и на новорожденных ягнят. Своими глазами ему, правда, ничего такого видеть не приходилось. Но сейчас, глядя на небо, он это вспомнил. Чайки определенно держали курс на ферму. Они кружили гораздо ниже, и черноголовые были впереди. Черноголовые возглавляли атаку. Значит, их цель – ферма. Туда они и летят.

Нат прибавил шагу. Он видел, как фермерская машина отъехала от дома и повернула ему навстречу. Поравнявшись с ним, фермер рывком затормозил.

– Девочка на месте, – сказал он. – Мать ее поджидала. Ну, как вам все это нравится? В городе ходят слухи, что это русские виноваты. Окормили птиц какой-то отравой.

– Каким образом?

– Почем я знаю! Кто-то сболтнет – и пошло. Ну что, не надумали присоединиться к нашей охотничьей партии?

– Нет, я домой. Жена будет волноваться.

– Хозяйка моя считает, что в охоте был бы смысл, если б чаек можно было есть, – сказал Триг. – Мы бы их тогда жарили, пекли, мариновали... Вот погодите, выпущу несколько обойм в эту нечисть – только пух и перья полетят.

– А вы окна забили? – спросил Нат.

– Еще чего! Чушь это все. По радио любят запугивать. У меня и так дел невпроворот, не хватало еще с окнами возиться.

– На вашем месте я бы заколотил.

– Да бросьте! Совсем вас застращали. Хотите – приезжайте ночевать.

– Большое спасибо, мы уж как-нибудь дома.

– Ну, тогда пока. Увидимся утром. Зажарим на завтрак пару чаек.

Триг ухмыльнулся и свернул к воротам фермы.

Нат пошел быстрым шагом. Он миновал рощицу, старый амбар; теперь перелаз – и до дома останется пройти последний отрезок поля.

Перебираясь через изгородь, он услышал свист крыльев: прямо на него спикировала черноголовая чайка, промахнулась, развернулась на лету, взмыла вверх и снова спикировала. В мгновение ока к ней присоединились еще чайки – шесть, семь, двенадцать, серебристые и черноголовые вперемешку. Он бросил мотыгу. Все равно толку от нее никакого. Прикрывая голову руками, он бросился к дому. Чайки не отставали и продолжали атаковать его сверху, по-прежнему молча; в тишине раздавалось только хлопанье крыльев. Свиристых, безжалостных крыльев. Он чувствовал, как кровь течет у него по пальцам, по запястьям, по шее. Твердые клювы били сверху наотмашь, раздирая плоть. Только бы уберечь глаза. Остальное неважно. Только бы спасти от них глаза.

Они еще не научились вцепляться намертво, рвать одежду, обрушиваться всем скопом на голову, на спину. Но они смелели с каждой новой атакой. И действовали они отчаянно и безоглядно, не щадя себя. Многие, если им случалось спикировать слишком низко и промахнуться, ударялись об землю, разбивались вдрызг, ломали себе кости. На бегу Нат то и дело спотыкался об искалеченных чаек и отшвыривал их ногой.

Кое-как он добрался до крыльца и стал барабанить в дверь окровавленными руками. Из-за досок на окнах казалось, что в доме темно. Кругом была темнота.

- Открой! - крикнул он. - Это я! Открой!

Он старался перекрыть шум хлопающих крыльев.

И в эту секунду он увидел над собой баклана, изготовившегося к броску. Чайки кружили, улетали, боролись с ветром, и только баклан висел в небе неподвижно. Один-единственный баклан - прямо у Ната над головой. Внезапно он прижал крылья к телу и камнем пошел вниз. Нат закричал, и дверь, по счастью, распахнулась. Он едва успел переступить через порог - жена всей тяжестью налегла на дверь.

И тут же они услышали, как со стуком ударился о землю баклан.

* * *

Жена промыла и перевязала ему раны. Они оказались не особенно глубокими. Больше всего пострадали кисти и запястья. Не будь на нем шапки, чайки бы добрались и до головы. Ну а баклан... баклан мог бы запросто пробить ему череп.

Дети, как и следовало ожидать, подняли рев, когда увидели, что у отца руки в крови.

Он попытался их успокоить:

- Все в порядке, мне совсем не больно. Ранки пустяковые. Джил, поиграй с Джонни, пока мама промывает мне царапины.

Он притворил дверь из кухни, чтобы не пугать детей. Лицо у жены было пепельно-серое. Она открыла кран над раковиной.

- Я их видела, - прошептала она. - Они как раз стали сбиваться в кучу, когда мистер Триг привез Джил. И я так крепко захлопнула дверь, что ее заклинило. Потому и не могла тебе сразу открыть.

- Слава богу, они караулили меня. С Джил они бы справились в два счета. Тут хватило бы и одной птицы.

Они шептались, как заговорщики, чтобы дети не слышали, пока жена бинтовала ему руки и шею.

- Они летят вглубь страны, - сказал он. - Их тысячи. Грачи, вороны, все крупные птицы. Я видел их, пока ждал на остановке. Они нацелились на города.

- Для чего, Нат?

- Добычи ищут. Сперва будут нападать на людей на улице. Потом попробуют проникнуть в дома через окна и дымоходы.

- Но почему власти ничего не предпринимают? Почему не высылают войска, пулеметы, хоть что-нибудь?

- Еще не успели. Никто ведь к этому не был готов. Послушаем, что скажут в шестичасовом выпуске.

Нат прошел на кухню, за ним следом жена. Джонни мирно играл на полу. Зато Джил была явно встревожена.

- Там птицы, - сказала она. - Пап, послушай!

Нат прислушался. Из-за окон и двери доносились приглушенные звуки. Шорох крыльев, скрип когтей, скребущих по дереву, пытающихся отыскать лазейку в дом. Звук трущихся друг о друга птичьих тел, толкотня на подоконниках. И по временам резкий, отчетливый стук, когда какая-нибудь незадачливая птица со

всего маху ударялась о землю.

«Сколько-то их расшибется насмерть, – подумал он. – Но к сожалению, малая часть. Малая часть».

– Все в порядке, Джил, – произнес он вслух. – Окна я крепко заколотил. Птицам сюда хода нет.

Он снова тщательно проверил окна. Сработано на совесть. Все щели законопачены, но можно попытаться еще кое-что сделать, чтоб была стопроцентная гарантия. Он принес клинышки, полоски старой жести, деревяшки, металлические планки и стал прибивать их по бокам, чтобы доски держались надежнее. Стук молотка немного заглушил птичью возню, все это царапанье, шарканье и самый зловещий звук – больше всего он боялся, что его услышат жена или дети: треск стекла под ударами клювов.

– Включи-ка радио, – сказал он жене. – Послушаем, что там передают.

Радио тоже должно помочь заглушить наружные звуки. Он пошел наверх и принялся тем же способом укреплять окна в спальне и в детской. Теперь он слышал, что творится на крыше, слышал скрежет птичьих когтей, суетливые перебежки.

Он решил, что ночевать всем надо в кухне – матрасы можно снести вниз и положить прямо на полу. И огонь в плите не гасить. Он сомневался в дымоходах верхнего этажа. Доски, которыми он забил основания, могут не выдержать. А в кухне всю ночь будет гореть огонь, так спокойней. Хорошо бы преподнести это в какой-нибудь шутливой форме. Сказать детям, что он придумал разбить походный лагерь, как в лесу. И если случится самое худшее и птицы проникнут в дом через верхние дымоходы, то из спален им не так-то просто будет выбраться. На то, чтобы пробиться сквозь двери, понадобится много часов, а то и дней. Там, наверху, они никому не смогут причинить вреда. Оказавшись взаперти в таком множестве, они неминуемо задохнутся и погибнут.

Он начал перетаскивать вниз матрасы. При виде их глаза жены тревожно расширились: она подумала, что птицы уже наверху.

– Ну вот, полный порядок, – сказал он. – Сегодня будем все спать в кухне. У огня уютней. Кроме того, здесь не слышно, как эти дурацкие птицы скребутся в окна.

Он позвал детей помочь ему переставить мебель и на всякий случай с помощью жены пододвинул к окну кухонный буфет. Буфет встал хорошо. Лишняя гарантия. На освободившееся место у стены теперь можно положить рядом матрацы.

«Мы здесь в относительной безопасности, – подумал он. – Уютно и надежно, как в бомбоубежище. Правда, с едой плоховато. Продуктов и угля для плиты хватит на два-три дня, не больше. А к тому времени...»

Но что толку загадывать наперед? Еще надо послушать, что объявят по радио. Должны же они как-то проинструктировать людей. И тут до него внезапно дошло, что в эфире звучит только музыка. Музыка вместо детского часа, который передают каждый день в это время. Он взглянул на шкалу приемника. Настроено верно, на лондонское радиовещание. Танцевальные записи! Он щелкнул ручкой и переключился на развлекательную программу. То же самое. И тогда он вдруг понял, в чем дело. Все обычные передачи отменены. Такое бывает только в исключительных случаях. В день всеобщих выборов, например. Он попытался вспомнить, как было в войну, во время массированных налетов на Лондон, и тут же сообразил, что центральная радиостанция Би-би-си находилась тогда не в Лондоне. Передачи транслировались из какого-то временного центра. «Пожалуй, здесь мы в лучшем положении, – подумал он. – Здесь, на кухне, когда окна и двери забиты досками, надежней, чем в городах. Надо Бога благодарить, что мы не в городе».

В шесть часов музыка прекратилась. Раздался сигнал точного времени. Он должен послушать известия, даже если они перепугают детей. Сигналы смолкли, наступила пауза. Потом заговорил диктор. Голос у него был торжественный и серьезный. Совсем не то что днем.

«Говорит Лондон. Сегодня в четыре часа дня в стране объявлено чрезвычайное положение. Предпринимаются шаги для спасения жизни и имущества граждан. Однако на их немедленный эффект рассчитывать нельзя ввиду непредвиденного и беспрецедентного характера данного кризиса. Всем домовладельцам предлагается принять срочные меры к тому, чтобы обезопасить свое жилище. Жильцы многоквартирных домов должны объединиться и сделать все от них зависящее, чтобы исключить всякий доступ внутрь. Сегодня вечером

категорически воспрещается покидать пределы домов и находиться на улицах, на проезжих дорогах или где бы то ни было вне закрытых помещений. Птицы большими стаями нападают на всех, кто оказывается в их поле зрения, и уже начали осаждать дома. Только при соблюдении должных мер безопасности жилища могут остаться недоступными для птиц. Просьба к населению сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Ввиду исключительности создавшегося положения все станции приостанавливают вещание до семи часов утра».

Затем сыграли государственный гимн. Больше ждать было нечего. Нат выключил приемник. Он взглянул на жену, она на него.

- Папа, про что они? - спросила Джил. - Что это они говорили в новостях?

- Говорили, что сегодня больше не будет передач, - сказал Нат. - На Би-би-си какая-то авария.

- Из-за птиц? - спросила Джил. - Это птицы что-то повредили?

- Нет, просто все там очень заняты. А от птиц, конечно, много вреда, особенно в городах, надо поскорей от них избавиться. Ничего, один вечер обойдемся без радио.

- Хорошо бы у нас был патефон, - сказала Джил. - Все-таки лучше, чем совсем ничего.

Она не сводила глаз с буфета, которым были забаррикадированы окна. Несмотря на все старания, невозможно было не слышать непрерывного постукивания, шуршания, назойливого шелеста и хлопанья крыльев.

- Давайте сегодня поужинаем пораньше, - сказал Нат. - Приготовим что-нибудь вкусненькое. Попросим маму. Пускай сделает что-нибудь, что мы все любим. Гренки с сыром - идет?

Он подмигнул жене, незаметно сделав ей знак. Ему хотелось, чтобы с лица Джил сошло выражение страха и тревожного ожидания.

Он помогал готовить ужин и при этом напевал, насвистывал, нарочно гремел посудой, и ему показалось, что шарканье и стук стали тише, звучали не так настойчиво. Потом он поднялся наверх и прислушался, но на этот раз не услышал суеты и толкотни на крыше.

«Тоже небось соображают, – подумал он. – Понимают, что сюда им не пробиться. Наверно, отправились в другое место. Зачем на нас зря тратить время?»

Ужин прошел спокойно, без происшествий, и только потом, когда они убрали со стола, они услышали новый, рокошующий звук, издавна хорошо знакомый.

Жена повернулась к нему, ее лицо вспыхнуло радостью.

– Самолеты! – сказала она. – Против птиц послали самолеты! Я все время говорила, что власти должны что-то такое предпринять. Теперь птицам конец. Это ведь стреляют из орудий? Ты слышишь?

Возможно, это и была орудийная пальба – где-то далеко в море. Трудно сказать. Артиллерийский обстрел мог бы дать результат вдали от берега, но сейчас чайки не в море, а на суше. Кто же станет обстреливать берег, рисковать жизнью населения?

– Какое счастье – слышать самолеты, правда? – сказала жена.

Джил, которой передалось радостное возбуждение матери, стала вместе с Джонни подпрыгивать на месте:

– Самолеты прогонят птиц! Самолеты их всех постреляют!

И тут они услышали взрыв – примерно милях в двух, за ним второй, третий. Рокот моторов начал удаляться; самолеты уходили в сторону моря.

– Что это было – бомбы? – спросила жена. – На птиц сбросили бомбы?

– Не знаю, – ответил Нат. – Не думаю.

Он не хотел говорить ей, что взрыв, который они слышали, – это крушение самолета. Значит, власти попытались выслать воздушную разведку; неужели там никто не понимает, что эта затея – чистое самоубийство? Что? может самолет против птиц, бросающихся, как смертники, на пропеллеры, на фюзеляж? Может только сам рухнуть вниз. И если эти попытки делаются по всей стране, то во сколько жизней они обойдутся? Не иначе как там, наверху, кто-то окончательно потерял голову.

– Где самолеты, пап? – спросила Джил.

– Улетели обратно на базу. Ну а теперь живо спать!

Пока жена отвлеклась на свои привычные дела – раздевала детей у огня, стелила им простынки, укладывала, – он еще раз обошел дом и удостоверился, что щели повсюду плотно заделаны. Рокота самолетов не было слышно, орудийная пальба на море тоже прекратилась. «Пустая трата сил, – подумал Нат. – Много ли их можно уничтожить таким путем? Ценой человеческих жизней! Правда, есть еще газ. Может, они попробуют распылить иприт, горчичный газ? Людей, конечно, предупредят заранее. Ясно одно: над этим сегодня бьются лучшие головы страны».

Эта мысль его немного успокоила. Он живо представил себе, как ученых, натуралистов, технических специалистов – словом, всех тех, кого называют «мозговой трест», срочно собирают на совет; наверно, они уже взялись за работу. Решить такую проблему не под силу ни правительству, ни штабным начальникам – тут уж ученым карты в руки, пусть они распоряжаются.

«Только действовать придется без жалости, – думал он. – Придется рисковать людскими жизнями, если они пустят в ход газ. Там, где всего тяжелее, потерь будет больше. Пострадают и скот, и земля... Все будет заражено. Главное – не началась бы паника. Если люди начнут паниковать, терять голову... Правильно радио предупредило».

Наверху, в спальнях, все было тихо. Ни скрежета, ни стука в окно. Затишье в ходе битвы. Перегруппировка сил. Так это, кажется, называлось в сводках военных лет? Ветер, однако, не успокоился. Нат слышал гул ветра в дымоходах, слышал, как море бьется о берег. Скоро начнется отлив. А может, дело в приливах и отливах? Может, затишье наступило как раз в связи с отливом?

Птицы подчиняются какому-то закону – и, наверно, свою роль тут играет восточный ветер и чередование приливов и отливов.

Он поглядел на часы. Было около восьми вечера. Пик последнего прилива миновал час назад. Этим и объяснялось затишье: птицы переходили в наступление только во время прилива. Вдали от моря, в центре страны, такой зависимости могло и не быть, но здесь, на побережье, судя по всему, закон действовал четко. Он мысленно подсчитал, сколько у них в запасе времени. Шесть часов до следующей атаки. Как только начнется новый прилив, примерно в час двадцать ночи, птицы вернутся...

Он мог сделать одно из двух. Первое – дать всем отдых, себе, жене, детям, поспать сколько удастся, до часу, до двух. Второе – сходить посмотреть, как дела на ферме, узнать, работает ли там телефон, и если да, попробовать еще раз соединиться с коммутатором.

Он тихонько окликнул жену, которая как раз кончила укладывать детей. Она поднялась вверх на несколько ступенек, и он шепотом стал с ней советоваться.

– Ты не должен никуда уходить, – сказала она сразу же. – Ты не можешь уйти и бросить меня тут одну с детьми. Я этого просто не вынесу.

В ее голосе зазвучали истерические нотки. Он стал утихомиривать ее и успокаивать.

– Ну хорошо, не волнуйся, подожду до утра. В семь мы уже будем знать сводку новостей. А утром, во время отлива, я попробую добраться до фермы, раздобуду хлеба, картошки, может, и молока.

Мозг его снова лихорадочно заработал, пытаясь предусмотреть все неожиданности. Коров на ферме вечером наверняка не подоили, и они, бедолаги, сейчас толпятся во дворе, ждут, а хозяева сидят взаперти, с забитыми окнами, как и его семейство. Конечно, если они успели принять необходимые меры. Он вспомнил, как мистер Триг улыбался ему из машины. Да уж, сегодня им не до охоты.

Дети спали. Жена, не раздеваясь, сидела на своем матрасе. Она не сводила с него встревоженных глаз.

- Что ты собираешься делать? - спросила она шепотом.

Он сделал ей знак молчать. Крадучись, стараясь ступать неслышно, он отворил дверь из кухни и выглянул наружу.

Вокруг была кромешная тьма. Ветер с моря дул еще неистовей, налетая ледяными порывами через регулярные промежутки. Он запнулся на первой же ступеньке, шагнув через порог. Там грудой лежали птицы. Мертвые птицы были повсюду - под окнами, у стен. Это были самоубийцы, смертники, сломавшие себе шею. Они были везде, куда ни глянь. Только мертвые - ни признака живых. Живые улетели к морю, как только начался отлив. Сейчас, наверно, чайки снова качаются на волнах, как накануне днем.

Вдали на склоне, где два дня назад работал трактор, что-то горело. Разбившийся самолет. Огонь с него перекинулся на соседний стог сена.

Он глядел на трупы птиц, и ему неожиданно пришло в голову, что если сложить их штабелем на подоконники, они послужат дополнительной защитой. Пусть небольшой, но все-таки. Нападающим птицам придется сперва расклевать и растащить эти трупы, прежде чем они смогут как-то закрепиться на карнизах и подобраться к окнам. В темноте он взялся за работу. Его подташнивало: дотрагиваться до птиц было противно. Они еще не успели остыть и были все в крови. Перья слиплись от крови. Он чувствовал, что его выворачивает, но продолжал трудиться. Он заметил, что ни одно оконное стекло не уцелело. Только доски не давали птицам прорваться в дом. Он стал затыкать кровавыми тушками дыры в разбитых стеклах.

Закончив работу, он вернулся в дом. Затем забаррикадировал дверь в кухне, укрепив ее как только мог. Потом размотал бинты, на этот раз мокрые от птичьей крови, и заново перевязал руки.

Жена приготовила ему какао, и он с жадностью его выпил. Он очень устал.

- Все в порядке, - сказал он, улыбаясь. - Не волнуйся. Все обойдется.

Он улегся на матрац, закрыл глаза и сразу же уснул. Ему снились тревожные сны - он все время хотел ухватить какую-то ускользающую ниточку, вспомнить

что-то, что упустил. Не доделал какую-то важную работу. Забыл какую-то меру предосторожности – все время о ней помнил, а потом забыл, и во сне пытался вспомнить и не мог. И почему-то все это было связано с горящим самолетом и стогом на холме. Однако он спал и спал, не просыпаясь. И только когда жена стала трясти его за плечо, он открыл глаза.

– Началось, – сказала она, всхлипнув. – Уже час как стучат. Я не могу больше их слушать одна. И еще чем-то ужасно пахнет, чем-то горелым.

И тут он вспомнил: он забыл подкинуть топлива в плиту. Она почти погасла, угли едва тлели. Он вскочил и зажег лампу. Птицы барабанили в окна и в двери, но сейчас его заботило не это. Пахло палеными перьями. Запах наполнил всю кухню. Он сразу сообразил, в чем дело. Птицы залетали в дымоход и пытались протиснуться вниз, к плите.

Он взял щепок, бумаги и сунул их в топку, а затем принес бидон с керосином.

– Отойди! – крикнул он жене. – Придется рискнуть.

Он плеснул керосин в огонь. Пламя с ревом рванулось вверх, и из трубы в топку посыпались обугленные, почерневшие трупы птиц.

Дети с плачем проснулись.

– Что такое? – спросила Джил. – Почему дым?

У него не было времени отвечать. Он выгребал птиц, сбрасывая их прямо на пол. Пламя продолжало гудеть; была реальная опасность, что дымоход загорится, но делать было нечего. Пламя должно отогнать птиц от трубы на крыше. Вся беда в том, что нижнее колено трубы было забито тлеющими мертвыми птицами. Нат перестал прислушиваться к яростной атаке на окна и на двери – пусть бьют крыльями сколько угодно, ломают себе клювы, расшибаются насмерть. В дом им все равно не прорваться. Надо Бога благодарить, что они живут в старом доме с небольшими окнами, с толстыми стенами – не то что эти новые муниципальные постройки. Как-то там теперь люди, в этих хлипких строеньицах? Да поможет им небо...

– Перестаньте плакать! – прикрикнул он на детей. – Бояться нечего, прекратите реветь!

Он продолжал выгребать из топки обугленных, дымящихся птиц.

«Теперь им крышка, – сказал он себе, – огонь вместе с тягой сделают свое дело. Только бы дымоход не загорелся, тогда все обойдется. Убить меня мало. Я ведь собирался перед сном подкинуть угля в плиту. Знал ведь, что чего-то не доделал».

На фоне скрежета и треска расщепляемых досок вдруг привычно, по-домашнему, пробили кухонные часы. Три часа ночи. Надо вытерпеть еще часа четыре, чуть подольше. Он не мог точно высчитать пик прилива. Пожалуй, вода начнет спадать не раньше полвосьмого, без двадцати восемь.

– Разожги примус, – сказал он жене. – Вскипяти нам чаю, а детям свари какао. Что толку сидеть без дела?

Только так и надо – чем-то ее занять, детей тоже. Надо двигаться, надо есть, пить; нельзя сидеть сложа руки.

Он выжидал, стоя у плиты. Пламя постепенно затухало. Но из дымохода в топку больше ничего не падало. Он пошуровал в нем кочергой, насколько мог достать, и ничего не обнаружил. Дымоход был пуст. Он вытер пот со лба.

– Ну-ка, Джил, – велел он дочке, – собери мне щепочек. Сейчас затопим как полагается.

Но девочка не трогалась с места. Широко раскрытыми глазами она смотрела на грудку обугленных птиц.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Я их вынесу вон, когда плита разгорится как следует.

Опасность миновала. Больше ничего такого не случится, если поддерживать огонь в плите круглые сутки.

«Надо будет утром на ферме прихватить топлива, – подумал он. – Наше на исходе. Как-нибудь исхитрюсь. Хорошо бы обернуться за время отлива. Вообще надо все стараться делать во время отлива. Просто приноровиться, и все».

Они выпили чай и какао, заедая хлебом с говяжьей пастой. Нат заметил – хлеба осталось всего полбуханки. Ну, не беда.

– Чего вы стучите? – Маленький Джонни погрозил ложкой окну. – У, противные птицы! Не смейте стучать!

– Верно, сынок, – улыбнулся Нат. – На что они нам, эти негодяйки? Надоели!

Теперь, когда очередная птица-смертник разбивалась за окном, в доме все ликовали.

– Еще одна, пап! – кричала Джил. – Еще одной конец!

– Так ей и надо, – говорил Нат, – одной бандиткой меньше.

Вот так – и только так! Если б сохранить эту бодрость, этот нужный настрой, продержаться до семи часов, когда начнут передавать новости, можно будет считать, что все идет неплохо.

– Дай-ка мне закурить, – сказал он жене. – Не так будет паленым пахнуть.

– В пачке всего две штуки, – ответила жена. – Я собиралась купить тебе сигарет в кооперативе.

– Ну, дай одну. Вторую оставим на черный день.

Укладывать детей снова не имело смысла. Они бы все равно не уснули под этот стук и скрежет. Все сидели на матрацах, сдвинув в сторону одеяла; одной рукой Нат обнимал жену, другой дочку. Джонни мать взяла на колени.

– Надо отдать должное этим тварям, – сказал Нат, – упорство у них есть. Другой на их месте давно бы устал и бросил, а эти и не думают!

Одобрение быстро сменилось тревогой. Среди постукиваний, не прекращающихся ни на минуту, его слух уловил новую резкую ноту – будто на помощь собратьям явился чей-то куда более грозный клюв. Нат попытался вспомнить, каких он знает птиц, представить себе, кто бы это мог быть. Не дятел – у дятла стук более легкий и дробный. Это птица посерьезнее. Если она будет долбить своим клювом достаточно долго, дерево не выдержит и треснет, как треснуло стекло. И тут он вспомнил: ястребы! Может, на смену чайкам прилетели ястребы? Или сарычи? И теперь сидят на карнизах и орудуют и клювом, и когтями? Ястребы, сарычи, кобчики, соколы – он совсем упустил из виду хищных птиц. Забыл, какие они сильные и кровожадные. До отлива еще целых три часа! Надо ждать – и все время слышать хруст дерева под мощными и беспощадными когтями!

Нат оглядел кухню в поисках мебели, которую можно было бы пустить на доски, чтобы дополнительно укрепить дверь. За окна он был спокоен – их загораживал буфет. Его смущала дверь. Он пошел наверх, но на площадке перед спальнями остановился и прислушался. Ему показалось, что из детской доносится постукивание птичьих лап. Значит, они уже там... Он приложил ухо к двери. Так и есть. Он слышал шелест крыльев и легкий топоток – птицы обшаривали пол. В другой спальне их пока не было. Он зашел туда, стал вытаскивать мебель и громоздить ее в кучу на лестничной площадке на случай, если дверь в детской не выдержит. Это была чистая страховка, может, и не пригодится. К сожалению, забаррикадировать дверь было нельзя – она открывалась вовнутрь. Он мог только устроить вот такое мебельное заграждение.

– Нат, спускайся! Что ты там делаешь? – крикнула из кухни жена.

– Сейчас иду! Навожу порядок, – прокричал он в ответ.

Он не хотел, чтобы она поднималась, не хотел, чтобы слышала стук птичьих когтей в детской, удары крыльев о дверь.

В половине шестого он предложил позавтракать – поджарить хлеба с ветчиной, хотя бы для того, чтоб не видеть в глазах жены выражение растущей паники и успокоить начавших капризничать детей. Жена еще не знала, что наверху птицы. Спальня, к счастью, была не над кухней. Иначе нельзя было бы не услышать, как они там шумят, шуршат, долбят клювами пол. Не услышать, как падают с дурацким бессмысленным стуком птицы-самоубийцы, доблестные смертники, которые пулей влетали в комнату и расшибали голову о стены. И все,

наверно, серебристые чайки. Он хорошо знал их повадки. Безмозглые существа! Черноголовки – эти знают, что делают. Как и сарычи, и ястребы...

Он поймал себя на том, что смотрит на часы, следит за стрелками, которые так медленно ползли по циферблату. Если его теория неверна и птичья атака не прекратится со спадом воды, их шансы равны нулю. Не могут они продержаться целый день без воздуха, без передышки, без запаса топлива, без чего там еще... Его мозг лихорадочно работал. Столько всего нужно, чтобы выдержать долгую осаду! Они к ней не подготовились как следует. Им еще требуется время. И в городах, наверно, все же безопаснее. Надо попробовать, когда он будет на ферме, связаться по телефону с двоюродным братом – он живет не так уж далеко. Доехать поездом... А может, удастся взять напрокат машину. Да, так быстрее – взять машину в промежуток между приливами...

Ему вдруг отчаянно захотелось спать, но голос жены, которая громко звала его по имени, вывел его из забытья.

– Что такое? Что еще? – спросил он, встрепенувшись.

– Радио. Я смотрю на часы. Уже почти семь.

– Не трогай ручку, – сказал он, впервые с раздражением. – Настроено на Лондон. Как стои?т, так и надо.

Они подождали еще. Кухонные часы пробили семь. Радио молчало. Никаких сигналов времени, никакой музыки. Они ждали до четверти восьмого, потом переключились на развлекательную программу. Результат тот же. Радио молчало.

– Вчера, наверно, объявили перерыв не до семи, а до восьми, – заметил Нат. – Мы могли услышаться.

Они оставили приемник включенным. Нат подумал о батарейке, на которой работало радио: интересно, на сколько ее хватит. Жена обычно отдавала ее перезарядить, когда ездила в город за покупками. Если батарейка сядет, они не услышат никаких сообщений.

– Уже светает, – прошептала жена. – Хоть и не видно, но я чувствую. И птицы вроде не так шумят.

Она была права. Скребущие, скрежещущие звуки становились слабее с каждой минутой. Постепенно стихало шарканье, толкотня, борьба за место на ступеньках, на подоконниках. Начинался отлив. К восьми часам все звуки прекратились. Слышался только вой ветра. Дети, убаюканные наступившей наконец тишиной, уснули. В половине девятого Нат выключил радио.

– Что ты делаешь? Мы пропустим известия! – воскликнула жена.

– Не будет больше никаких известий, – сказал Нат. – Придется надеяться только на себя.

Он подошел к двери и принялся разбирать баррикады. Затем отодвинул засов и, отшвырнув ногой мертвых птиц, жадно вдохнул холодный свежий воздух. В запасе у него было шесть рабочих часов, и он знал, что силы надо беречь для главного и не растрачивать их попусту. Еда, свет, топливо – вот самое необходимое. Если удастся обеспечить это в нужном количестве, они продержатся и следующую ночь.

Он прошел в огород и сразу же увидел птиц. Чайки, должно быть, снова улетели к морю; во время отлива они могли вволю покормиться и покачаться на волнах, готовясь к новой атаке. Но птицы, живущие на суше, никуда не улетали. Они сидели и ждали. Повсюду – на изгородях, на земле, на деревьях, в поле – Нат видел бесчисленных неподвижно сидящих птиц.

Он дошел до края огорода. Птицы не двигались. Они молча следили за ним.

«Я должен раздобыть съестного, – сказал он себе. – Я должен добраться до фермы и достать еды».

Он вернулся обратно, проверил все окна и двери. Потом поднялся наверх и прошел в детскую – там было пусто, только на полу валялись мертвые птицы. Живые были снаружи, в полях, на деревьях. Он спустился на кухню.

– Схожу на ферму, – сказал он.

Жена кинулась к нему и обхватила его руками. Через открытую дверь она тоже успела увидеть птиц.

- Возьми и нас, - сказала она умоляюще, - мы не можем оставаться одни. По мне лучше умереть, чем быть тут без тебя.

Подумав, он кивнул.

- Ладно, собирайтесь. Захвати корзины и коляску Джонни. Мы ее загрузим.

Все хорошенько закутались, чтобы защититься от ледяного ветра, надели шарфы, перчатки. Жена посадила Джонни в коляску. Нат взял за руку Джил.

- Птицы, - захныкала Джил. - Там в поле птицы.

- Они нас не тронут, - сказал он, - сейчас светло.

Через поле они направились к перелазу. Птицы по-прежнему сидели неподвижно. Они ждали, повернув головы по ветру.

* * *

Дойдя до поворота на ферму, Нат остановился и велел жене с детьми подождать его в укрытии под изгородью.

- Но я хочу повидать миссис Триг, - запротестовала жена. - Столько всего можно у нее попросить, если они вчера ездили на рынок. Не только хлеба...

- Подожди здесь, - прервал ее Нат. - Я через пять минут вернусь.

Коровы мычали и беспокойно бродили по двору. Он заметил дыру в заборе - ее проделали овцы, чтобы проникнуть в сад перед домом; теперь все они толпились там. Ни из одной трубы не шел дым. Ната охватили страшные предчувствия. Брать на ферму жену и детей было нельзя.

- Не спорь, - сказал он жестко жене. - Делай, как тебе говорят.

Она отошла с коляской к изгороди, где можно было спрятаться от ветра.

Он пошел на ферму один. С трудом он пробрался сквозь стадо мычащих коров, которые растерянно ходили взад-вперед с переполненным выменем. У ворот он увидел машину, почему-то она была не в гараже, а на улице. Окна в доме были разбиты. Во дворе и вокруг дома валялись мертвые чайки. Другие птицы сидели на деревьях за домом и на крыше. Они сидели совершенно неподвижно. Они следили за ним.

Тело Джима он нашел во дворе – вернее, то, что от него осталось. После того как над ним поработали птицы, по нему еще прошли копытами коровы. Ружье было брошено рядом. Входная дверь была закрыта на засов, но разбитые стекла позволили ему приподнять раму и забраться внутрь. Тело Трига он обнаружил недалеко от телефона. Должно быть, он пытался соединиться с коммутатором, когда птицы напали на него. Трубка болталась на шнуре, телефонный аппарат был сорван со стены. Никаких следов миссис Триг видно не было. Очевидно, она наверху. Есть ли смысл подниматься? Нат почувствовал дурноту – он заранее знал, какое зрелище его ожидает.

«Слава богу, хоть детей у них нет», – подумал он.

Он все же заставил себя пойти наверх, но, дойдя до середины лестницы, повернулся и стал спускаться. Он успел увидеть ноги миссис Триг. Она лежала на пороге спальни. Рядом он разглядел мертвых чаек и сломанный зонт.

«Я уже ничем не смогу им помочь, – подумал Нат. – У меня пять часов времени, даже меньше. Они меня не осудили бы. Надо еще отыскать припасы, все собрать, увезти...»

Он вернулся к тому месту, где оставил жену и детей.

– Я хочу загрузить машину, – сказал он. – Возьму уголь, запасусь керосином. Потом переправим все это домой и вернемся сюда.

– А что там Триги? – спросила жена.

– Нету их. Наверно, уехали.

– Давай я пойду с тобой, помогу.

– Не надо. Там бог знает что творится. Повсюду коровы, овцы. Подожди здесь, я пригоню машину. Вы все сможете сесть.

Он кое-как дал задний ход и вывел машину со двора на дорогу. Отсюда жена и дети не могли увидеть Джима.

– Никуда не двигайтесь, – сказал он. – А коляску брось. Я ее потом привезу. Сейчас загружу машину.

Жена не сводила глаз с его лица. Он решил, что она все поняла, – иначе она предложила бы помочь ему поискать у Тригов хлеб и другую провизию.

Они проделали три рейса между своим домом и фермой, прежде чем он наконец решил, что теперь все самое нужное у них есть. Его поразило, какое множество вещей оказалось вдруг необходимым. Но самое главное – обшивка для окон. Он обшарил всю ферму в поисках досок. Он хотел заменить все доски на окнах. Свечи, керосин, гвозди, консервы... список был бесконечный. Кроме того, он успел подоить трех коров. Остальные, бедолаги, продолжали метаться по двору с жалобным мычанием.

Сделав последний рейс, он доехал до автобусной остановки, вылез из машины и зашел в телефонную будку. Он простоял там несколько минут, нетерпеливо нажимая на рычаг. Без толку: телефон не работал, гудка не было. Он взобрался на пригорок и оглядел окрестность. Никаких признаков жизни, безлюдные, пустынные поля – одни птицы кругом. Птицы сидели и ждали. Некоторые даже спали, втянув голову и уткнувшись клювом в перья.

«Странно как они себя ведут. Хоть бы кормились, что ли, а то сидят как истуканы», – подумал он.

И вдруг его осенило: да они же сыты! Сыты по горло. Ночью наелись до отвала. Поэтому сейчас и сидят...

Над муниципальными домами не поднимался ни единый дымок. Он подумал о детях, которые вчера бежали через поле. «Надо было предвидеть, – подумал он

с горечью. – Надо было забрать их с собой».

Он поднял голову к небу. Небо было серое, бесцветное. Восточный ветер оголил и пригнул к земле почерневшие деревья. И только на птиц холод не действовал; птицы сидели и ждали.

«Вот бы когда по ним стрелять, – подумал Нат. – Сейчас они отличная мишень. Взяться бы за них по всей стране! Выслать самолеты, опрыскать их ипритом... Куда смотрят власти, чем они только думают? Они-то должны знать, должны соображать!»

Он вернулся к машине и сел за руль.

– Давай проедем побыстрее, – шепнула ему жена. – Там у калитки лежит почтальон. Я не хочу, чтобы Джил видела.

Он прибавил скорость. Маленький «моррис», дребезжа и подпрыгивая, понесся по дороге. Дети завизжали от радости.

– Прыг-скок, прыг-скок! – выкрикивал со смехом Джонни.

Было без четверти час, когда они добрались до дому. Оставался всего час времени.

– Надо бы наскоро пообедать, – сказал Нат жене. – Себе и детям ты что-нибудь разогрей, может, супу из того, что привезли. У меня на еду уже нет времени. Надо скорей разгрузить машину.

Он перенес все в дом. Потом можно будет постепенно разобрать. Чем-то занять руки в долгие томительные часы, которые им предстоят. Но основное сейчас – это окна и двери.

Он обошел дом и тщательнейшим образом осмотрел каждое окно, каждую дверь. Он даже забрался на крышу и забил досками отверстия всех дымоходов, кроме кухонного. Холод был лютый, он едва выдерживал, но работу надо было доделать. Он все время поглядывал на небо – нет ли самолетов. Но самолеты не появлялись. Орудя молотком, он не переставал проклинать власти за

бездействие.

– Вечная история, – бормотал он. – Всегда бросают в беде. Все кувырком, неразбериха с самого начала. Ни плана, ни организации. А мы здесь вообще не в счет. Что им до нашего захолустья? В городах, в центре – там да. Там уже небось и газ в ход пустили, и самолеты нашлись. А нам остается одно – сидеть и ждать, что будет.

Забив дымоходы верхнего этажа, он на минуту остановился и взглянул на море. Там вдали что-то двигалось. Что-то серо-белое мелькало среди бурунов.

– Морской флот! Вот это да! – воскликнул он. – Вот кто никогда не подведет! Они уже подходят, сейчас свернут в залив...

Напрягая до боли слезящиеся глаза, он всматривался в морскую даль. Нет, он ошибся. Это были не корабли. За флотилию он принял чаек. Чайки массажи поднимались с моря. И с полей, взъерошив перья, взлетали бесчисленные стаи птиц и разворачивались в небе, крыло к крылу, сомкнутым строем.

Начинался прилив.

Нат спустился по приставной лестнице и вернулся на кухню. Жена и дети сидели за обедом. Было уже начало третьего. Он запер дверь на засов, забаррикадировал ее мебелью и зажег лампу.

– Ночь пришла! Спать пора! – сказал Джонни.

Приемник был включен, но, как и прежде, молчал.

– Я крутила, крутила, пыталась хоть за границу поймать – нигде ничего, – сказала жена.

– Может, повсюду такое же бедствие, – сказал Нат. – По всей Европе.

Она налила ему тарелку супа, привезенного с фермы, отрезала ломоть хлеба, того же происхождения, и полила его сверху мясной подливкой.

Ели молча. Подливка с хлеба потекла у маленького Джонни по подбородку прямо на стол.

– Смотри, как ты ешь, Джонни! – сказала Джил. – Когда ты научишься рот вытирать?

И опять этот стук в окна и двери. Шелест, шорох, возня, борьба за место на подоконниках. И звук удара о крыльцо первой чайки-самоубийцы.

– Хоть бы Америка помогла! – сказала жена. – Американцы ведь наши союзники! Может, они что-то сделают?

Нат промолчал. Доски на окнах крепкие, на дымоходах не хуже. В доме есть запас еды, топлива, все необходимое, можно продержаться несколько дней. После обеда он разберет все, что привез, разложит по местам, рассортирует. Жена ему поможет, дети тоже. Это займет их часов до восьми, а без четверти девять начнется отлив, и тогда он велит всем лечь в постель и потеплей укрыться, чтобы спокойно поспать часов до трех утра.

Он придумал, как еще надежней укрепить окна. Надо натянуть поверх наружных досок колючую проволоку. Он захватил на ферме целый моток. Плохо только, что работать придется в темноте, когда наступит затишье, между девятью вечера и тремя часами утра. Жаль, что это пришло ему в голову так поздно. Но ничего, пока жена и дети будут спать, надо постараться это сделать.

Окна осаждали теперь птицы помельче. Он слышал дробное негромкое постукивание клювов и шелест легких крылышек. Ястребы окнами не интересовались. Их силы сейчас были брошены на дверь. И, прислушиваясь к треску расщепляемого дерева, Нат думал о том, сколько же миллионов лет в этих жалких птичьих мозгах, за разящими наотмашь клювами и острыми глазами, копился всеокрушающий инстинкт ненависти, который теперь прорвался наружу и заставляет птиц истреблять род человеческий с безошибочным автоматизмом умных машин.

– Я, пожалуй, выкурю последнюю сигарету, – сказал он жене. – Вот досада – был ведь на ферме, а про сигареты не подумал.

Он достал сигарету, включил молчащее радио. Потом бросил пустую пачку в огонь и смотрел, как она горит.

Монте-Верита[3 - Перевод И. Комаровой]

После мне рассказали, что там никого не нашли. Ни живых, ни мертвых. Никаких следов пребывания. Подгоняемые яростью и страхом, люди из долины взяли штурмом зловещие стены, которые долгие годы оставались для них неприступными, – и были встречены гробовой тишиной. Сбитые с толку, доведенные до иступления видом пустых келий и безлюдного двора, они дали выход накопившейся злобе, прибегнув, как бесчисленные поколения крестьян на протяжении столетий, к простейшему, испытанному средству: спалить дотла и разорить.

Пожалуй, это был единственно возможный ответ на неразрешимую загадку. И только выплеснув гнев, люди осознали всю тщетность и бессмысленность содеянного. Почерневшие стены, которые дымились на фоне усыпанного звездами холодного предрассветного неба, в конце концов оказались сильнее.

На место были сразу отряжены поисковые партии. Скалолазы, имевшие опыт восхождения на голые отвесные вершины, прочесали весь кряж, с севера на юг и с востока на запад – безрезультатно.

И на этом история заканчивается. Больше ничего узнать не удалось.

Двое парней из деревни помогли мне перенести тело Виктора в долину, и его похоронили у подножья Монте-Верита?. Сознаюсь, я ему завидовал. Он упокоился навеки, и его иллюзии остались при нем.

Я же вернулся к прежней жизни. Второй раз на моем веку война перетряхнула мир. И теперь, когда мне скоро семьдесят, я распростился почти со всеми собственными иллюзиями. Однако я часто думаю о Монте-Верита и бьюсь над разгадкой ее тайны.

У меня есть три гипотезы; возможно, ни одна не соответствует действительности.

Первая, самая фантастическая, заключается в следующем. Виктор был прав, продолжая упорно верить, что обитатели Монте-Верита обрели некую форму бессмертия, – и когда пробил час, они, как ветхозаветные пророки, укрылись в небесах. Греки верили в бессмертие своих богов, иудеи – в бессмертие Илии, а христиане – в вознесение Спасителя. Через всю долгую историю религиозного легковерия и предрассудков проходит постоянное убеждение, будто немногие избранные могут достичь таких высот святости, что побеждают смерть. Эта вера особенно сильна в странах Востока и в Африке; и только наше искушенное европейское сознание не может примириться с необъяснимым исчезновением осязаемых предметов и людей из плоти и крови.

Религиозные наставники расходятся во мнениях, когда пытаются выявить разницу между добром и злом: что одному кажется чудом, другому представляется черной магией. Пророков-праведников побивают камнями, но та же участь постигает и колдунов. То, что в одну эпоху объявляют богохульством, становится святым речением в следующей, а сегодняшняя ересь может завтра превратиться в церковный догмат.

Я не считаю себя мыслителем, никогда не грешил философией. Но я твердо знаю еще со времен моей альпинистской юности, что в горах мы ближе, чем где-либо еще, к той высшей Сущности – как бы ее ни называть, – которая вершит наши судьбы. Все великие откровения провозглашались с горных вершин, и пророки всегда поднимались на горы. Святые и мессии в заоблачных высях присоединялись к праотцам. И порой я склонен верить, что в ту ночь на Монте-Верита опустилась чудотворящая десница и перенесла ее обитателей туда, где они обрели защиту.

Да, я видел эту гору и полную луну над ней, видел в небе раскаленное полуденное солнце. Но все, что я видел, слышал и чувствовал тогда, воспринималось как нечто из другого мира: озаренный лунным блеском склон, пение, доносившееся из-за запретных стен, гигантская чаша пропасти между пиками-близнецами, беззаботный юный смех и бронзовые от загара руки, воздетые к солнцу.

Вспоминая все это, я начинаю верить в бессмертие...

Но потом – может быть оттого, что мои восхождения остались в прошлом и горы утратили магическую власть над стареющей памятью и дряхлеющим телом, – потом я говорю себе, что глаза, в которые я глядел в тот последний день на Монте-Верита, были живые, человеческие глаза, и руки, которых я касался, были руки из плоти.

И даже сказанные тогда слова были человеческими словами: «Не беспокойся за нас. Мы знаем, что нам делать». И последнее печальное напутствие: «Не отнимай у Виктора его иллюзии».

И тут возникает вторая моя гипотеза. Я вижу, как на горы опускается ночь, вижу звезды, вижу редкое мужество души, нашедшей наимудрейший путь для себя и для всех остальных: в то время как я шел обратно к Виктору, а жители долины готовились двинуться на монастырь, горстка верующих – искателей Истины – спустилась в расселину между пиками и исчезла там без следа.

Третья версия приходит на ум, когда я даю волю цинизму и скепсису и, возвращаясь в свою холостяцкую нью-йоркскую квартиру после затянувшегося обеда с друзьями, которые мало что для меня значат, особенно остро ощущаю свое одиночество.

Я гляжу из окна на фантастические огни и краски моего полусказочного мира, забывшего, что такое доброта и спокойствие, и начинаю тосковать по тишине и пониманию. И тогда я убеждаю себя, что обитатели Монте-Верита задолго до рокового часа готовились – не к уходу, не к смерти, не к бессмертию, но к возвращению в реальный мир людей. Тайком, украдкой они спустились в долину незамеченными и, смешавшись с тамошними жителями, пошли каждый своим путем. Глядя вниз, на суету и столпотворение большого города, я думаю: вдруг кто-то из них сейчас идет по шумной, людной улице, спускается в метро, и если я сам выйду из дома и стану всматриваться в лица прохожих, я, может быть, отыщу знакомое лицо и получу ответ на свой вопрос.

Иногда во время какой-нибудь поездки внешность случайного попутчика дает толчок воображению: замечаешь необычную посадку головы, что-то странно притягивающее во взгляде... Таких людей подмывает разговорить, вовлечь в беседу, но у них сразу же – или мне это только кажется? – срабатывает инстинкт самозащиты. Минутная пауза – и их уже нет. Где угодно – в поезде, на многолюдной улице – передо может возникнуть виденье чистой, неземной красоты, и хочется протянуть руку и тихо, скороговоркой спросить: «Вы часом не

из тех, кого я видел на Монте-Верита?» Но я не успеваю. Они проходят, растворяются в толпе, и я остаюсь один на один со своей недоказанной третьей гипотезой.

Я старею: как я уже говорил, мне скоро семьдесят; память становится короче, история Монте-Верита с годами покрывается туманом, представляется все менее правдоподобной. И чем дальше, тем острее я чувствую надобность запечатлеть все на бумаге, прежде чем откажет слабеющая память. Возможно, среди тех, кто будет читать эти строки, найдется такой же альпинист-любитель, каким был в молодости я сам, и он предложит свое собственное толкование описанных мною событий.

Хочу предупредить: в Европе несть числа горным вершинам, и наверняка на карте обнаружится не одна Монте-Верита – в Швейцарии, во Франции, в Италии, в Испании, в Тироле. Я предпочел бы не обозначать точное место, где находится моя Монте-Верита. В наши дни, после двух мировых войн, неприступных гор уже не осталось; нынче можно подняться на любую. Риск минимален, если соблюдать должную осторожность. И моя Монте-Верита, несмотря на крутизну, снег и лед, была всегда досягаема. Ведущую к вершине тропу даже поздней осенью в силах был одолеть любой физически крепкий, мало-мальски тренированный человек. От восхождения альпинистов удерживал не страх перед трудным маршрутом, а безотчетный, суеверный ужас.

Не сомневаюсь, что сегодня моя Монте-Верита нанесена на карту вместе с прочими одноименными пиками. На подходах к вершине наверняка построили кемпинги, в деревушке на восточном склоне открыли гостиницу, а на подъеме работает фуникулер. Но как бы то ни было, я хочу надеяться, что люди не успели окончательно все запакостить; что в полночь, когда всходит луна, облик горы пребывает неизменным, нетронутым; и что зимой, когда снег и лед, штормовой ветер и облачность препятствуют восхождению, Монте-Верита, обратив к солнцу свою раздвоенную вершину, безмолвно и с состраданием смотрит вниз, на незрячий мир.

* * *

Мы вместе выросли, Виктор и я. Вместе учились в Мальборо, в один год поступили в Кембриджский университет. В студенческие дни я был его ближайшим другом, и если мы стали реже видеться после окончания, это

объяснялось тем, что жизнь наша сложилась по-разному: моя служба предполагала постоянные выезды за границу, а Виктор был по горло занят своим поместьем в Шропшире. Однако с каждой встречей дружба наша возобновлялась, и расставания на ней не сказывались.

Работа у меня и у Виктора поглощала львиную долю времени, однако мы оба располагали деньгами и на досуге имели возможность предаваться своему излюбленному занятию – альпинизму. Сегодняшний спортсмен, оснащенный и подготовленный по всем правилам науки, счел бы наши экспедиции чисто любительскими – я говорю об идиллической поре до Первой мировой войны, – и задним числом я склонен с ним согласиться. Действительно, вряд ли можно назвать профессионалами двух молодых людей, которые, отчаянно цепляясь руками и ногами, учатся карабкаться по скалам где-нибудь в Камберленде или Южном Уэльсе, а позднее, набравшись опыта, решаются на более рискованные восхождения в горных массивах Южной Европы.

С годами мы избавились от безрассудства, научились считаться с погодой и относиться к горам с уважением – не как к врагу, которого надо осилить, а как к союзнику, чье расположение нужно заслужить. Нами двигала не тяга к опасности, не потребность расширить список наших побед. Мы ходили в горы потому, что нас обуревало желание завоевать предмет нашей любви.

Горы еще капризнее, еще непостояннее, чем женщины; они приносят и радость, и страх, и ни с чем не сравнимое чувство покоя. Зов гор нельзя объяснить. Возможно, в былые времена так проявлялось извечное стремление человека приблизиться к звездам. Сегодня он может преспокойно купить билет на самолет и почувствовать себя хозяином неба. Но под ногами у него не будет твердой скалы, в лицо ему не будет дуть горный ветер, и он не приобщится к тишине, какая бывает только в горах.

Горы подарили мне лучшие часы моей молодости. Эту жажду растратить, расплескать всю энергию, выкинуть из головы все мысли, стать ничем, крохотным пятнышком на фоне гор и неба мы с Виктором именовали горной лихорадкой. После успешного подъема Виктор приходил в себя быстрее, чем я. Он внимательно, методично осматривался вокруг, уже планируя спуск, пока я, замороженный чудом, продолжал грезить. Испытание на выносливость мы выдержали, вершина была побеждена, но предстояло завоевать еще нечто, не поддающееся определению. Желанный опыт так и остался для меня недоступным; и я подозревал, что виноват в этом сам. Но все равно это было

прекрасное время. Лучшее в моей жизни...

Однажды летом, вскоре после деловой поездки в Канаду, я получил от Виктора письмо. Он был в приподнятом настроении – сообщал, что помолвлен и в ближайшее время женится. Его невеста – само очарование. Он спрашивал, не соглашусь ли я быть шафером на их свадьбе. Я сразу ответил как положено – выразил искреннюю радость, поздравил его и от всей души пожелал счастья. Однако сам я, убежденный холостяк, с грустью подумал, что потерял еще одного друга, на сей раз лучшего, который теперь увязнет в семейном болоте.

Невеста Виктора – валлийка – жила в Уэльсе, недалеко от его поместья в Шропшире. «Ты не поверишь, – писал он в следующем письме, – она ни разу не была на Сноудоне. Придется мне взять ее образование в свои руки». Помню, я подумал тогда: трудно представить занятие более неблагодарное, чем тащить в горы совершенно не тренированную девицу.

В третьем письме Виктор извещал, что они с невестой приезжают в Лондон – скоро свадьба, много чего надо купить и сделать. Я пригласил их обоих позавтракать. Не знаю, что? я ожидал увидеть. Мне рисовалась невысокая, крепенькая фигурка, темные волосы, живые глаза... И уж конечно не та ослепительная красавица, которая сделала шаг мне навстречу и, протянув руку, представилась: «Анна».

До Первой мировой войны молодые женщины редко пользовались косметикой. Губы у Анны были не накрашены; золотистые волосы волнами спускались на уши. Помню, я глядел на нее не моргая, пораженный ее невероятной красотой. Виктор довольно рассмеялся:

– Ну? Что я тебе говорил?

Мы сели за столик, быстро освоились и разговорились. Свойственная Анне сдержанность придавала ей особое обаяние, но, зная, что я самый близкий друг Виктора, она приняла меня с первой минуты – и, как мне показалось, я ей понравился.

Да, подумал я, Виктору чертовски повезло. Все мои опасения насчет его брака рассеялись – достаточно было увидеть Анну. Примерно в середине завтрака разговор повернул на горы – так случилось всякий раз, когда мы с Виктором

сходились.

– Итак, – обратился я к Анне, – вы выходите замуж за человека, обуреваемого страстью лазать по горам, а сами не поднимались даже на Сноудон, который у вас под боком.

Она чуть заметно нахмурилась и не сразу ответила:

– Верно. Я никогда там не была.

Меня удивило какое-то колебание в ее голосе.

– Но почему? Родиться валлийкой и не побывать на самой высокой вершине Уэльса – это граничит с преступлением.

Виктор решил вмешаться.

– Анна трусиха, – объяснил он. – Каждый раз, когда я предлагаю ей пойти в горы, она под любым предлогом уваливает.

Анна быстро повернулась к нему:

– Нет, Виктор, не в этом дело. Ты не понимаешь. Я вовсе не боюсь.

– Что же тогда?

Он нежно положил ладонь на руку Анны. Я видел, как он ее обожает, и не сомневался, что они будут счастливы. Анна смотрела на меня через стол, словно прощупывая взглядом, и я каким-то шестым чувством догадался, что? она скажет.

– Горы очень требовательны, – проговорила она. – Им нужно отдавать все до последнего. Таким, как я, лучше держаться от гор подальше.

Я понял, что она имеет в виду, – тогда, по крайней мере, мне так показалось. Но они с Виктором были влюблены друг в друга, и я считал, что было бы чудесно,

если бы она поделила с мужем его увлечение, преодолев свой изначальный страх.

– Вот и отлично, – сказал я. – Вы совершенно правильно к этому подходите. Горы безусловно требуют полной отдачи, но вдвоем вы сможете все преодолеть. Виктор не станет переоценивать ваши силы. Он гораздо осторожнее меня.

Анна улыбнулась и высвободила руку.

– Вы оба большие упрямы, – возразила она. – И оба не понимаете. Я родилась в горах. Я знаю, о чем говорю.

Тут к столу подошел наш общий с Виктором приятель, мы познакомили его с Анной, и разговор о горах больше не возобновлялся.

Через полтора месяца отпраздновали свадьбу, и клянусь – я никогда не видел невесты прекраснее. У Виктора было бледное от напряжения лицо; думаю, он понимал, что взял на себя великую ответственность – сделать эту девушку счастливой.

До свадьбы, пока они жили в Лондоне, я часто виделся с Анной, и хотя Виктор ни о чем не подозревал, я влюбился так же пылко, как он. Меня влекли к ней не сами по себе ее очарование и красота, а необычное сочетание того и другого, какой-то исходивший от нее внутренний свет. Я боялся только, что Виктор, простой и открытый по натуре, покажется Анне излишне легкомысленным и шумным, и это может заставить ее, как улитку, замкнуться в себе. Впрочем, они несомненно составляли прекрасную пару. Провожая новобрачных после приема, устроенного в их честь пожилой теткой Анны, заменившей ей покойных родителей, я, растроганный, уже мысленно видел, как я буду гостить у них в Шропшире и стану крестным отцом их первенца.

Однако вскоре после их бракосочетания служебные дела срочно потребовали моего отъезда, и лишь в декабре я получил первую весточку от Виктора, который звал приехать к ним на Рождество. Я охотно принял приглашение.

Они были женаты уже восемь месяцев. Виктор был в отличной форме и выглядел счастливым, а Анна показалась мне еще красивее. Я не мог отвести от нее глаз. Меня встретили чрезвычайно радушно, и я провел блаженную неделю в

прекрасном старинном доме Виктора, хорошо мне знакомом по прежним визитам. Их брак оказался удачным – это стало очевидно с первой минуты. И если в перспективе еще не просматривался наследник, огорчаться не стоило – впереди у них была масса времени.

Мы совершали прогулки по владениям Виктора, немного охотились, вечерами читали и пребывали в полном довольстве и согласии.

Я заметил, что Виктор приноровился к более спокойному темпераменту Анны, хотя слово «спокойствие» вряд ли полностью передает то особое свойство, которому трудно подобрать название и которое я определил бы как «тихость». Эта тихость шла из глубин ее естества и завораживала все вокруг. Мне всегда нравился шропширский дом, с его высокими потолками и множеством просторных комнат, со старомодными решетчатыми окнами, и я любил сюда приезжать, но теперь атмосфера умиротворения стала еще полнее, еще ощутимее. Дом окутывала необычная, непроницаемая тишина, приносившая душе больше, чем просто покой.

Поразительно, что я, пытаюсь восстановить в памяти эту неделю, не могу припомнить никаких традиционно рождественских событий. Я не помню, что мы ели, что пили, ходили или нет к церковной службе, – думаю, да: Виктор как местный сквайр не должен был пренебрегать условностями. Запомнился мне только удивительный покой наших совместных вечеров, при закрытых ставнях, перед горящим камином. Недавняя деловая поездка, очевидно, вымотала меня больше, чем я предполагал, и теперь, в доме у Виктора и Анны, мне хотелось одного – расслабиться и отдаться во власть благословенной, благотворной тишине.

Через несколько дней я заметил в доме и другую перемену: там стало гораздо меньше вещей. Исчезли многочисленные безделушки, куда-то делась антикварная мебель, доставшаяся Виктору в наследство от предков. Просторные комнаты стояли теперь полупустые, а в большом зале, где мы проводили вечера, не осталось ничего, кроме длинного обеденного стола и кресел у камина.

Вероятно, изменения пошли на пользу, и дом от них только выиграл. Однако я невольно подумал: странно, что инициатор этих перемен – женщина. Обычно молодая хозяйка первым делом покупает новые портьеры, ковры и прочее, чтобы внести в холостяцкий дом нотку женственности. Я решил при случае выяснить мнение Виктора.

Он рассеянно огляделся вокруг и сказал:

– Да, мы избавились от лишнего хлама. Анна так захотела. Она против культа собственности. Распродаж мы не устраивали. Просто все роздали.

Мне отвели гостевую комнату, которую я занимал и раньше, и она в виде исключения сохранила свой прежний вид. Там было все, к чему я привык: горячая вода, утренний чай, печенье, сигаретница – во всем чувствовалась заботливая рука хозяйки дома.

Однажды, проходя по коридору к лестничной площадке на верхнем этаже, я заметил, что дверь в комнату Анны, всегда закрытая, приотворена. Я знал, что это бывшая спальня матери Виктора. В свое время там стояла великолепная старинная кровать с пологом и другая массивная, добротная мебель – в духе общего убранства дома. Праздное любопытство заставило меня мимоходом заглянуть внутрь. Мебели в комнате не было. Ни занавесей на окнах, ни ковра на полу. На голых досках стояли стол, стул и походная кровать, застеленная одним легким одеялом. Окна были раскрыты настежь, хотя надвигались сумерки. Я пошел прочь и на лестнице столкнулся с Виктором. Он мог заметить, как я заглядываю в комнату Анны, и мне не захотелось юлить и изворачиваться.

– Извини за вторжение, – сказал я. – Эта комната сейчас совсем не похожа на то, что было при жизни твоей матушки.

– Да, Анна не выносит финтифлюшек, – коротко ответил он и добавил: – Ужинать идешь? Анна послала меня за тобой.

Мы вместе спустились вниз и больше не возвращались к этому разговору. Однако спартанская спальня Анны почему-то не шла у меня из головы. Я сравнивал ее со своей – удобной и уютной, – и меня не покидало ощущение собственной ущербности. Очевидно, Анна имела повод считать, что я не в состоянии обойтись без привычных мелочей и прочих излишеств, без которых она обходилась с легкостью.

В тот вечер, пока мы сидели перед камином, я внимательно наблюдал за ней. Виктор куда-то отлучился, и мы с Анной на короткое время остались вдвоем. Как обычно в ее присутствии, на меня вместе с тишиной снизошел умиротворяющий

покой. Он окутывал и обволакивал меня – ничего похожего я прежде не испытывал в моей однообразной, косной жизни. Атмосфера покоя исходила от Анны, но порождалась она иным, нездешним миром. Я хотел сказать ей об этом и спешно подыскивал слова. Наконец я решился:

– Вы преобразили этот дом. Я не понимаю зачем.

– Не понимаете? – В ее голосе звучало удивление. – А я думала, понимаете. Мы ведь оба ищем одно и то же.

Почему-то мне вдруг стало страшно. Тишина теперь чувствовалась сильнее, становилась гнетущей.

– Не знаю, ищу ли я что-либо вообще...

Мои слова повисли в воздухе. Повинуясь какой-то силе, я оторвал взгляд от огня и теперь не мигая смотрел в глаза Анне.

– А разве нет? – спросила она.

Помню, мне сделалось не по себе. Я впервые увидел себя со стороны: жалкий, никчемный человечико, который мечется взад-вперед по свету, заключая бессмысленные сделки с такими же ничтожествами, как он сам. И все это ради того, чтобы быть сытым, одетым и жить в довольстве до гробовой доски.

Я подумал о своем собственном доме в Вестминстере, который я так старательно выбирал, а потом так продуманно обставлял. Я увидел свои книги, картины, коллекцию фарфора, двух преданных слуг, которые пеклись обо мне, поддерживали чистоту и порядок в ожидании моего возвращения. До сих пор дом со всем его содержимым неизменно радовал меня. Но теперь его ценность уже казалась сомнительной.

– Что же вы мне советуете? – спросил я. – Продать все, что у меня есть? Отказаться от работы? А потом?

Вспоминая наш обмен репликами, я недоумеваю: чего ради я задал такой вопрос? Анна намекнула, будто бы я что-то ищу, а я, вместо того чтобы

поспорить или согласиться, ни с того ни с сего спросил, не избавиться ли мне от того, что я имею. Я не осознал тогда важности сказанного. Помню только, что меня охватило смятение, между тем как минуту назад я был совершенно спокоен.

– Ваш ответ может не совпасть с моим, – сказала Анна. – Да и в своем собственном я еще не уверена. Со временем буду знать.

Глядя на нее, я подумал: такой женщине, с ее красотой, безмятежностью, душевной тонкостью, ответа долго искать не придется. Чего ей не хватает? Разве что детей – и ее неудовлетворенность, возможно, объясняется именно этим...

Вернулся Виктор и, как мне показалось, принес с собой тепло и ощущение стабильности: было что-то очень привычное, уютное в старой домашней куртке, которую он накинул на плечи, не дав себе труда переодеться после ужина.

– Морозит по-настоящему, – сообщил он. – Я выходил поглядеть. Термометр упал почти до нуля. А ночь удивительная. Полнолуние. – Он придвинул кресло поближе к огню и улыбнулся Анне. – Холод, как той ночью на Сноудоне. Боже праведный, не скоро я это забуду! – И, повернувшись ко мне, со смехом добавил: – Я не успел тебе рассказать: Анна наконец сделала мне одолжение, согласилась подняться на Сноудон.

Я взглянул на Анну, и меня поразили ее отсутствующие, отрешенные глаза. Я инстинктивно почувствовал, что ей неприятен этот разговор и что сама она никогда бы его не начала.

– Анна – темная лошадка, – продолжал Виктор. – По горам лазает не хуже нас с тобой. Представь, она все время шла впереди, а в какой-то момент вообще исчезла!

Полушутливо-полусерьезно он принялся во всех подробностях описывать их подъем на Сноудон, крайне рискованный, учитывая позднее время года.

Утром, когда они вышли, день обещал быть ясным, но через несколько часов погода резко переменилась – загрохотал гром, засверкали молнии, поднялась снежная буря. На спуске их застигла темнота, и они вынуждены были провести

ночь под открытым небом.

– Ума не приложу, как я умудрился с ней разминуться. Она все время была рядом, а потом раз – и пропала. Скажу откровенно, я провел довольно мучительные три часа, в крошечной тьме, при штормовом ветре.

Пока он говорил, Анна не проронила ни слова; она целиком ушла в себя. Мне было неловко, я нервничал и хотел, чтобы Виктор поскорее закончил свой рассказ.

– Тем не менее вы вернулись целые и невредимые, – сказал я, решив его поторопить.

– Верно, – подтвердил он невесело. – Около пяти утра, насквозь промокшие и порядком напуганные. Анна, кстати, отделалась легко. Вышла из тумана как ни в чем не бывало и удивилась, почему я возмущаюсь. Сказала, что укрылась под какой-то скалой. Диву даюсь, как она себе шею не сломала. В следующий раз в проводники назначу ее.

– Может, следующего раза не будет, – предположил я, взглянув на Анну. – Хватит и одного.

– Ну что ты, – рассмеялся Виктор. – Мы уже все распланировали – летом отправляемся в Альпы. А может, в Пиренеи или в Долomite, пока точно не знаем. Было бы здорово, если б ты к нам присоединился. Собралась бы настоящая альпинистская команда.

Я с сожалением покачал головой:

– Заманчиво, но, увы, невозможно. К началу мая я должен быть в Нью-Йорке, вернусь не раньше сентября.

– Впереди еще уйма времени, – утешил меня Виктор. – До мая всякое может случиться. Ближе к весне обсудим.

Анна по-прежнему хранила молчание, а я не мог взять в толк, почему Виктор не находит в ее поведении ничего странного. Внезапно она встала и, пожелав нам

спокойной ночи, пошла к себе наверх. Ей явно была не по нутру вся эта горная тематика. И я решил: Виктора пора вразумить.

- Подумай хорошенько, прежде чем затевать это путешествие, - сказал я. - Анну в него втягивать не надо.

- Втягивать? - Виктор был искренне изумлен. - С чего ты взял? Она сама мне предложила.

Я не верил своим ушам:

- Сама?!

- Ну да. Анна помешана на горах. Спит и видит, как бы туда попасть. Валлийская кровь! Я, конечно, не совсем всерьез изобразил ту ночь на Сноудоне, но скажу откровенно - ее выносливость и смелость меня просто поразили. Я места себе не находил от страха за нее, почти не спал, к утру был еле жив - а она явилась из тумана, будто дух из иного мира. Никогда ее такой не видел. Она спускалась с этой треклятой горы играючи, словно провела ночь на Олимпе, а я ковылял за ней, как ребенок. Анна - необыкновенная личность, ты-то хоть это понимаешь?

- Да, - подтвердил я. - Согласен. Анна - личность необыкновенная.

Вскоре мы отправились спать, и когда я разделся и натянул пижаму, заботливо оставленную перед камином, и увидел возле кровати термос с горячим молоком, запасенный на случай, если я сразу не засну, и сунул ноги в мягкие домашние туфли, я снова вспомнил монашескую спальню Анны, ее узкую походную кровать. Непроизвольным жестом - в укор себе - я сбросил теплое атласное одеяло, положенное поверх шерстяных, и перед тем, как лечь, пошире открыл окно.

На душе было беспокойно, сон не приходил. Огонь в камине почти погас, из окна потянуло холодом. Я слышал, как тикает в ночной тиши мой старый дорожный будильник, отсчитывая час за часом. В четыре утра лежать без сна сделалось невозможным, и я с благодарностью вспомнил про термос. Но перед тем как выпить молока, я решил дать себе еще одну поблажку и встал закрыть окно.

Я вылез из постели и, дрожа от озноба, прошел через комнату. Виктор был прав: снаружи подморозило. Земля покрылась инеем. Светила полная луна. Я постоял с минуту – и вдруг из-за деревьев скользнула какая-то тень и замерла прямо под моим окном. Человек – кто бы он ни был – стоял открыто, не прячась, не пригибаясь по-воровски. Он застыл в неподвижной позе, словно медитируя, обратив лицо к луне.

И тут я понял – это же Анна! На ней был халат, подхваченный витым пояском, волосы были распущены. Она молча стояла на траве, подернутой морозом, и я с ужасом заметил, что она босая. Я следил за ней, придерживая рукой портьеру, и вдруг почувствовал, что совершаю святотатство – подсматриваю исподтишка за чем-то очень личным и тайным, не предназначенным для посторонних глаз. Я закрыл окно и вернулся в постель. Инстинкт советовал молчать, и я решил не говорить о ночном бдении ни Виктору, ни тем более самой Анне. Но меня мучила тревога, не оставляли дурные предчувствия.

Утро выдалось солнечное, мы взяли собак и пошли пройтись. Оба, и Виктор и Анна, выглядели нормально и настроены были бодро. И я подумал, что просто перенервничал накануне. Если Анне нравится разгуливать босиком по ночам, это ее частное дело, и с моей стороны непорядочно шпионить за ней.

Оставшиеся дни прошли без каких-либо существенных событий; нам было хорошо и спокойно вместе, и мне ужасно не хотелось уезжать.

Я снова увиделся с ними – совсем ненадолго – несколько месяцев спустя, перед самым отъездом в Америку. Я забежал в книжный магазин на Сент-Джеймс записаться чтением на время долгого пути через Атлантику – в те дни еще свежа была память о трагедии «Титаника» и люди решались на трансатлантический вояж не без опаски, – и застал там Анну и Виктора: они изучали карты Европы, разложенные на всех свободных поверхностях.

Повидаться как следует не получилось. Мой день был расписан до самого вечера, у них тоже накопилось много дел, так что времени едва хватило на то, чтобы поздороваться и распрощаться.

– Ты застал нас за подготовкой к летней экспедиции, – сказал Виктор. – Маршрут уже разработан. Подумай еще раз! Присоединяйся!

– Исключено. Если не случится ничего непредвиденного, я вернусь к сентябрю. И первым делом с вами свяжусь. Куда же вы в итоге направляетесь?

– Все решила Анна. Долго думала, выбирала и нашла наконец совершенно недоступное место. Мы с тобой в этих горах не бывали.

Он провел пальцем по расстеленной перед ним крупномасштабной карте. Точку на ней Анна уже отметила крестиком.

– Монте-Верита, – прочел я.

Подняв глаза, я встретился взглядом с Анной.

– Абсолютно незнакомая территория, – заметил я. – Постарайтесь все разведать досконально, заручитесь советами знающих людей, наймите проводников из местных и так далее. А почему все-таки вы собрались именно туда?

Анна улыбнулась, и мне стало стыдно за свой дурацкий вопрос.

– Монте-Верита. Гора Истины, – ответила она. – Поедемте с нами! Прошу вас!

Я покачал головой и пошел готовиться к отплытию.

В те месяцы, что я провел в Америке, я часто думал о них обоих и всякий раз им завидовал. Они поднимались на неизведанные вершины, я же был зажат со всех сторон – но не горами, которые я так любил, а бесконечными делами. Порой я был готов призвать на помощь мужество, пустить работу побоку, повернуться спиной к цивилизованному миру с его сомнительными радостями и отправиться вместе с обоими моими друзьями на поиски Истины. Меня удерживали условности, в первую очередь мысль об удачно складывающейся карьере, оборвать которую было бы чистым безумием. Я понимал: мой жизненный график расписан и менять его поздно.

Я возвратился в Англию в середине сентября и был удивлен, не обнаружив среди огромного вороха накопившейся почты ни одной весточки от Виктора. Прощаясь, он обещал написать, подробно рассказать обо всем, что они видели, как прошло путешествие. Телефона у них дома не было, связаться с ними напрямую я не мог.

Поэтому я взял себе на заметку написать Виктору, как только разберусь с деловой корреспонденцией.

Через несколько дней, выходя из своего клуба, я столкнулся с нашим общим старым приятелем, который задержал меня на минуту, чтобы расспросить о поездке в Штаты, а когда я уже сбегал по ступеням, крикнул вслед:

- Ты слышал про беднягу Виктора? Какая ужасная трагедия! Собираешься его навестить?

- О чем ты? Какая трагедия? - воскликнул я. - Несчастный случай?

- Он в тяжелом состоянии в частной лечебнице, здесь, в Лондоне. Нервный срыв. Его бросила жена.

- Бог мой, быть не может!

- Увы, именно так. Он не выдержал и сломался. Ты же знаешь, как он был к ней привязан.

Я был в шоке. Стоял и тупо смотрел на приятеля.

- Ты хочешь сказать, что она его бросила ради кого-то другого?

- Не знаю. По-видимому, да. От Виктора ничего нельзя добиться. Как бы там ни было, он уже несколько недель лечится от нервного расстройства.

Я спросил адрес клиники, не мешкая прыгнул в такси и помчался туда.

Сначала мне сказали, что Виктор никого не хочет видеть; тогда я вынул визитную карточку, написал на обороте несколько слов, отдал сестре и заверил ее, что меня он принять не откажется. Сестра вернулась и провела меня в палату на втором этаже.

Когда она открыла дверь, я испугался, увидев осунувшееся, изможденное лицо Виктора. Он сидел в кресле перед газовым камином и был одет в больничный халат. Его трудно было узнать, так он исхудал и изменился.

– Дружище, – начал я, подойдя к нему, – я только что узнал, что ты здесь.

Сестра затворила дверь и оставила нас вдвоем.

К моему ужасу, глаза Виктора наполнились слезами.

– Успокойся, дорогой мой, – сказал я. – Меня стесняться не надо. Ты ведь знаешь, я все пойму.

Он сидел сгорбившись, не в силах произнести ни слова, и слезы текли у него по щекам. Я чувствовал свою полнейшую беспомощность. Он указал мне рукой на стул; я пододвинул его поближе, сел и молча ждал. Я решил: если он не захочет рассказывать, что случилось, я не буду настаивать. Мне хотелось только утешить его, как-то помочь.

Наконец он заговорил, и я еле узнал его голос.

– Анна ушла, – сказал он. – Ты слышал? Она ушла от меня.

Я кивнул и положил ему руку на колено, будто передо мной был маленький мальчик, а не мужчина тридцати с лишним лет, мой ровесник.

– Да, я знаю, – сказал я как можно мягче. – Все образуется. Она вернется. Я уверен – ты сможешь ее вернуть.

Он покачал головой. Я впервые видел его в таком отчаянии; он явно верил в то, что говорил:

– Нет, она не вернется. Я слишком хорошо ее знаю. Она нашла то, что искала.

На него было жалко смотреть: он покорился обстоятельствам, утратил способность сопротивляться. И это Виктор, всегда такой сильный и уравновешенный!

– Кто он? – спросил я. – Где она с ним познакомилась?

Виктор воззрился на меня в недоумении:

– О чем ты говоришь? Ни с кем она не познакомилась. Это совсем не то, что ты думаешь. Будь так, все было бы много проще...

Он замолчал и беспомощно развел руками. И снова не сумел совладать с собой – но на сей раз это была не слабость, а еле сдерживаемый гнев, бесплодная, бессмысленная ярость человека, который бьется с заведомо превосходящими силами.

– Ее разлучила со мной гора, – сказал он. – Проклятая Богом гора. Монте-Верита. Там есть какая-то секта или тайный орден. Доступ туда навеки закрыт. Я представить себе не мог, что в наши дни такое существует. Понятия не имел. И теперь она у них, на этой чертовой горе... на Монте-Верита.

Я просидел у него в лечебнице до вечера и постепенно выведал всю историю, с начала до конца.

Само путешествие, по его словам, началось благополучно и шло без приключений. В положенный срок они добрались до заранее выбранного отправного пункта – небольшого городка в долине, откуда предполагалось произвести разведку подходов к Монте-Верита. И тут возникли трудности. Места для них были новые, люди казались угрюмыми и недружелюбными. И говорили они на непонятном местном наречии.

– Ничего общего с крестьянами, которые так приветливо встречали нас с тобой в прошлые годы, – продолжал Виктор свой рассказ. – Неотесанные, грубые, отсталые, словно из каменного века. По крайней мере такое производят впечатление. Ты ведь помнишь, местные жители всегда старались нам помочь, находили проводников и так далее. А тут было совсем по-другому. Когда мы с Анной пытались разузнать, с какой стороны легче взойти на Монте-Верита, нам просто-напросто не отвечали. Пялились с дебильным видом и пожимали плечами. Один парень сказал, что проводников у них нет – гора, дескать, дикая, туда никто не ходит.

На мгновение Виктор умолк и взглянул на меня все с тем же отчаянием в глазах.

– Вот тут я совершил непростительную ошибку, – сказал он. – Я должен был понять, что экспедиция не удалась – во всяком случае, в эту конкретную точку, – и предложить изменить маршрут, выбрать что-то другое, поближе к цивилизации, где места более знакомые и где можно рассчитывать на помощь. Но ты же знаешь, как бывает в горах. В тебя словно вселяется упрямый бес, и любое препятствие только раззадоривает. А сама Монте-Верита... – Он вдруг осекся и уставился в пространство, как будто мысленно видел перед собой эту гору. – Ты знаешь, лирические описания не моя сильная сторона. В наших с тобой вылазках я оставался прагматиком, поэтом был ты. Но на сей раз мне предстала совершенная, ни с чем не сравнимая красота. Мы брали вершины и выше, и куда опаснее, но это... это было что-то божественное.

Он помолчал и возобновил свой рассказ.

– Я спросил Анну: «Что будем делать?» И она ответила без колебаний: «Пойдем вперед». Я не стал спорить. Я знал, что она так скажет. Мы оба подпали под власть какого-то колдовства.

Они ушли из долины и начали подъем.

– День выдался как по заказу, – продолжал Виктор. – Ни ветерка, на небе ни облачка. Солнце палило вовсю, но воздух был прохладный и чистый. Я слегка подтрунивал над Анной – напомнил про наш поход на Сноудон и взял с нее слово, что она больше не будет от меня убегать. На ней была открытая блузка, короткая шотландская юбка, волосы она распустила... И была... такая красивая.

Говорил он медленно, тихо. И мне пришло в голову, что с Анной наверняка произошел несчастный случай, но Виктор вопреки всему отказывается верить в ее смерть. Должно быть, она у него на глазах сорвалась с высоты и разбилась, а он не смог ее спасти. Он вернулся домой один, сломленный горем, и продолжает убеждать себя, что Анна жива и осталась там, на Монте-Верита...

– За час до захода солнца мы добрались до деревушки, – продолжал свой рассказ Виктор. – Подъем занял весь день. По моим расчетам, до вершины оставалось примерно часа три ходу. Деревушка небольшая, всего с десятком довольно жалких лачуг. Когда мы поравнялись с первой, случилось нечто непредвиденное.

Он умолк и снова уставился в одну точку.

– Анна шла немного впереди, своим характерным размашистым шагом. Ты ведь помнишь, как она ходит? И тут со стороны пастбища, справа от нас, показались двое или трое мужчин и с ними стайка ребятишек. Днем они пасли коз, а теперь загоняли их домой. Анна подняла руку и помахала им в знак приветствия, но мужчины при виде нее ударились в панику, подхватили детей и разбежались по домам, словно за ними гнались бесы. Я слышал, как двери запирают на засов, как с грохотом затворяют ставни, и ничего не мог понять. Козы тоже перепугались и разбрелись кто куда.

Виктор сказал, что попробовал было пошутить («Хорошенький прием нам устроили!»), но Анна шутки не оценила. Она растерялась и не могла взять в толк, чем она их так напугала. Виктор подошел к ближайшей лачуге и постучал в дверь.

Им никто не открыл, хотя изнутри доносились шорохи и детский плач. Потеряв терпение, Виктор стал кричать что есть силы. Это возымело действие: ставня на одном окошке приоткрылась, и оттуда выглянул молодой мужчина. Виктор кивнул ему и ободряюще улыбнулся. Тогда мужчина открыл ставню целиком, и Виктор попытался завести с ним разговор. Тот сначала только качал головой, затем, немного подумав, пошел к двери и отодвинул засов. Он стоял на пороге, опасливо озираясь, и смотрел мимо Виктора на Анну. Сердито трясая головой, он что-то говорил, торопливо и очень невнятно, и показывал рукой в сторону Монте-Верита. Затем из полутемной задней комнаты появился старик, опиравшийся на две палки сразу. Он шуганул с дороги перепуганную детвору и подошел к двери. К счастью, он говорил на более или менее понятном языке.

– Кто эта женщина? – спросил он. – Что ей от нас надо?

Виктор объяснил, что Анна его жена, что они пришли из долины и собираются подняться в горы. Они туристы, проводят здесь отпуск и хотели бы устроиться в деревне на ночлег. Виктор сказал, что старик его слушал, но глядел все время на Анну.

– Жена? – переспросил он. – Она не с Монте-Верита?

– Жена, жена, – подтвердил Виктор. – Мы из Англии, приехали походить по горам. Мы раньше здесь не бывали.

Старик повернулся к первому мужчине, и они стали о чем-то шептаться. Затем тот, что помоложе, вернулся в дом, откуда продолжали доноситься голоса. На порог вышла женщина, перепуганная еще больше мужчин: она глядела на Анну и буквально тряслась от страха. Почему-то вид Анны вызывал поголовный ужас.

– Она моя жена, – повторил Виктор. – Мы пришли из долины.

Наконец старик жестом дал понять, что согласен впустить их в дом.

– Я верю вам, – сказал он. – Так и быть, заходите. Если вы из долины, тогда ладно. Осторожность не помешает.

Виктор подозвал Анну. Она приблизилась и встала рядом с мужем. Хозяйка по-прежнему поглядывала на нее с опаской и пятилась назад, прикрывая детей.

В комнате, куда они вошли, почти не было мебели, но было чисто, и в очаге горел огонь.

Виктор сбросил с плеч рюкзак.

– У нас с собой провизия, – сказал он. – И спальные мешки. Мы не хотим вас затруднять. Но если вы позволите поесть у вас и переночевать на полу, мы будем вам очень благодарны.

Старик кивнул в знак согласия.

– Хорошо. Я вам верю, – повторил он и удалился со всем семейством.

По словам Виктора, они с Анной были озадачены тем, как встретили их в деревне. Они не могли понять, почему их приход вызвал такую панику и почему их впустили в дом только удостоверившись, что они муж и жена и пришли из долины. Они поели и расстелили на полу спальные мешки. Потом в комнату вернулся старик – он принес им сыру и молока. Женщина больше не показывалась, а молодой мужчина пришел вместе со стариком – скорее всего, из

любопытства.

Виктор поблагодарил за гостеприимство, сказал, что они сейчас лягут спать, а рано утром, с рассветом, отправятся в горы.

- Подъем не очень сложный? – спросил он старика.

- Сама дорога не трудная, – отвечал тот. – Я бы послал кого-нибудь вас проводить, но ведь никто не пойдет.

Вид у старика был смущенный; он снова покосился на Анну:

- Твоя жена может побыть у нас в доме. Мы ее не обидим.

- Моя жена пойдет со мной. Она не захочет остаться.

На лице старика отразилась тревога:

- Твоей жене лучше не ходить на Монте-Верита. Это опасно.

- Чем же опасна Монте-Верита? – спросила Анна.

Старик взглянул на нее с растущим беспокойством:

- Для женщин и девушек это опасно.

- Но почему? Вы же говорили мужу, что подъем не тяжелый.

- Не в подъеме дело. Мой сын выведет вас на тропу. Все дело в этих... – И тут он произнес слово, которое Виктор с Анной не поняли: что-то вроде sacerdotesse или sacerdozio.

Виктор нагнулся к Анне:

- Звучит как будто знакомо. Жрец? Жрица? Жречество? Но откуда тут возьмутся жрецы? Что за несуразица?

Старик переводил с Анны на Виктора тревожный взгляд.

– Один ты можешь спокойно подняться и спуститься. Для тебя это не опасно. Опасно только для твоей жены. У них большая власть, у sacerdotesse. Мы в деревне все время боимся за наших девушек и за женщин.

Виктор не принял слова старика всерьез. Ему это напомнило страшилки из рассказов путешественников по Африке: как племя дикарей вылетает из джунглей и уволакивает в плен все окрестное женское население. Он попытался перевести все в шутку:

– Не пойму, что он плетет, – по-моему, сплошное суеверие. Впрочем, твоей валлийской натуре это может прийтись по вкусу.

Глаза у обоих уже слипались от усталости. Виктор пододвинул расстеленные спальники поближе к огню, пожелал хозяину доброй ночи, и они с Анной наконец улеглись.

Он спал крепким, глубоким сном, как спится после целого дня в горах, и проснулся перед самым рассветом от петушиного крика.

Он повернулся на другой бок – посмотреть, проснулась ли Анна.

На полу лежал свернутый спальный мешок. Анны не было...

В доме все еще спали; тишину нарушало только петушиное кукареканье. Виктор поднялся, оделся, обулся и вышел за порог.

Веяло холодом; на мгновение все вокруг застыло, как бывает перед самым восходом. В небе гасли последние звезды. Долину, лежавшую далеко внизу, скрывали облака. И только здесь, на подступах к вершине, было ясно.

Поначалу дурных предчувствий Виктор не испытывал. Он знал, что Анна хорошо ориентируется в горах и на ногах держится так же уверенно, как он, – возможно, даже увереннее. Она не станет зря рисковать. Кстати, старик говорил, что подъем не тяжелый. Его, конечно, задело, что Анна ушла, не подождав его. Они ведь договорились ходить только вместе. Он не знал, как давно она ушла,

намного ли его опередила. Надо было как можно скорее ее догнать.

Он вернулся в дом захватить запас еды на день – Анна ничего с собой не взяла. Решил, что рюкзаки они заберут на обратном пути, перед спуском в долину, и вероятнее всего еще раз переночуют в деревне.

Его шаги разбудили хозяина. Он сразу заметил пустой матрац и вопросительно взглянул на Виктора.

– Жена ушла раньше. Я собираюсь за ней.

Старик нахмурился, шагнул к открытой двери и долго глядел наверх, в сторону вершины.

– Зря ты ее отпустил, – произнес он. – Напрасно позволил уйти одной.

Он казался удрученным, качал головой и что-то бормотал себе под нос.

– Не беспокойтесь, – уговаривал его Виктор. – Я быстренько ее догоню, и мы постараемся вернуться до вечера.

Он ободряюще похлопал старика по плечу.

– Боюсь, уже поздно, – произнес тот. – Она уйдет к ним. А если попадет к ним, то не вернется. Они не отпустят.

Он снова употребил это слово – *sacerdotesse*. Он явно предчувствовал недоброе. Настроение старика передалось Виктору, и в нем тоже шевельнулся страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18644432&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Перевод А. Ставиской

2

Плимут – порт на берегу пролива Ла-Манш; во время Второй мировой войны подвергался особенно ожесточенным налетам немецкой авиации. – Здесь и далее примеч. перев.

3

Перевод И. Комаровой

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dafna-dyumore/pticy-i-drugie-istorii-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)